

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое ІЮНЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ Редакціи. — 2) Роковой вопросъ. — 3) «Que faire?» въ «Nouvelle Revue». — 4) Священная Лига и добровольцы охраны. — 5) Охрана духа. — 6) Пропски меликовцевъ. — 7) Политическія сообщенія «не столь вредныя». — 8) Нѣсколько мыслей по вопросу «что дѣлать?». — 9) Наканунъ терроризма, Л. Бондп. — 10) «Народная Воля» о централизаци революціонной борьбы въ Россіи (окончаніе), М. Драгоманова. — 11) Документы, характеризующіе взаимныя отношенія властей и политическихъ административно-ссылныхъ. — 12) Передъ коронаціей (корреспонденція «Вольн. Слова»), Б. Д. — 13) Броженіе въ еврейской массѣ подъ вліяніемъ кровавыхъ событій послѣдняго времени, М. — 14) Изъ Бѣлграда (корреспонденція), В-ча. — 15) Два слова объ «интеллигентныхъ пустышникахъ». — 16) Хроника социально-экономической борьбы: Аграрный вопросъ въ Ирландіи (окончаніе). — 17) Выплография: брошюра «Alexandre II»; «Манифестъ Коммунистической партіи». — 18) Извѣстія и замѣтки: О кустарной промышленности въ Россіи; день коронаціи; аграрное движеніе въ Румыніи. — 19) Изъ централизованной страны, М. Д. — 20) Опечатки. — 21) Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Во избѣжаніе неудобства раздѣленія статей, мы должны были отложить до слѣдующаго № второе «Письмо о социально-политическихъ партіяхъ во Франціи».

Женева, 1 іюня 1882 г.

Нѣтъ теперь такого слоя населенія въ Россіи, который бы не находилъ настоящаго положенія этой страны невыносимымъ. Всѣ задаютъ себѣ на разные лады вопросъ: «Что дѣлать?», чтобы выйти изъ этого положенія? Случай свелъ въ настоящемъ номерѣ нашей газеты присланную намъ статью подъ заглавіемъ «Что дѣлать?» и разборъ консервативной статьи о русскихъ дѣлахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Nouvelle Revue». Въ помѣщенной въ сегодняшнемъ же № статьѣ «Наканунъ терроризма» читатель увидитъ, какъ этотъ же вопросъ: «Что дѣлать?» ставился въ революціонныхъ кру-

гахъ въ Россіи, прежде чѣмъ они вступили на дорогу «терроризма». Собственно тотъ же вопросъ ставится и въ напечатанной дальше статьѣ г. Драгоманова, разбирающей отвѣтъ на него органа «террористовъ» — «Народная Воля».

«Сохранить основу теперешняго политическаго строя—самодержавіе, но только обставить его честною и просвѣщенною бюрократіею, преимущественно изъ зажиточныхъ классовъ», — такъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ искренніе консерваторы. — «Низвергнуть царское самодержавіе!» — такъ рѣшилась, послѣ долгихъ колебаній, отвѣтитъ на этотъ вопросъ наиболѣе активная часть русскихъ социалистовъ, послѣ того, какъ это самодержавіе разбило страстныя надежды этихъ послѣднихъ слиться съ народомъ и передать ему свои идеи. Но, предпринимая борьбу противъ стараго начала, царскаго самодержавія, — русскіе террористы сохраняютъ его же орудія, — между прочимъ, централизацию, которая не мыслима безъ бюрократіи со всѣми ея неизбѣжными особенностями и послѣдствіями.

Авторъ помѣщаемой у насъ статьи «Что дѣлать?» показываетъ, что на этомъ пути невозможно осуществить честное стремленіе, охватившее съ нѣкотораго времени значительную часть російской интеллигенціи: «пойти въ народъ», служить ему, — и что, напротивъ, оно осуществимо только при децентрализаци, при автономіи волостей, областей и націй, какъ естественныхъ народныхъ кадровъ, въ которые должна пойти интеллигенція, чтобы жить въ нихъ и работать вмѣстѣ съ народомъ.

Говоря тоже самое, нашъ постоянный сотрудникъ прибавляетъ: въ Россіи даже и приступить къ широкой борьбѣ противъ царскаго самодержавія нельзя иначе, какъ ставъ на почву децентрализаци, начавши отъ федеративнаго устройства самихъ революціонныхъ элементовъ.

Намъ нѣтъ надобности говорить, насколько мы раздѣляемъ это мнѣніе. Консерваторамъ мы отвѣчаемъ въ статьѣ, помѣщаемой вслѣдъ за симъ. Революціоннымъ же централистамъ мы напомнимъ только слова извѣстнаго французскаго борца за свободу, Эдг. Кине, сказавшаго имъ при обзорѣ дѣйствій централизаторовъ-террористовъ времени великой французской революціи: «очень опасно употреблять старые способы дѣйствія, такъ какъ они почти неизбѣжно приводятъ къ возстановленію подъ другими формами старыхъ явленій» *).

Новѣйшая книжка «La Nouvelle Revue» (отъ 15 мая) принесла намъ новую статью русскаго автора о положеніи дѣлъ въ Россіи, озаглавленную «Что дѣлать?» (Que faire?) и написанную, какъ отвѣтъ на статью, напечатанную въ февралѣ въ томъ же обзорѣ. Новая статья, написанная съ большею, чѣмъ первая, ясностью и энергіей, гораздо интереснѣе первой, которой, впрочемъ, представляетъ то сродство, что и она сильнѣе въ своей отрицательной сторонѣ, чѣмъ въ положительной. Въ новомъ русско-французскомъ литературѣ, такимъ образомъ, мы видимъ опять образчикъ своего рода нигилиста, разрушителя. И надо отдать ему честь, — онъ наноситъ ударъ существующему порядку вещей съ откровенностью и силою весьма педюжипною, не останавливаясь даже и передъ «священными» личностями монарховъ, и, при всемъ своемъ монархизмѣ, признавъ, что Россія и теперь, какъ во времена Гостомысла, «велика и обильна (ну, обилія теперь, положимъ, немного!), но порядку въ ней нѣтъ», — обращается за порядкомъ не къ князьямъ, а «къ прессѣ, какъ самому

*) Le danger est grand de se servir des anciens moyens, parce qu'ils ramènent presque infailliblement, sous d'autres formes, les choses anciennes. (La Révolution, II, 238.)

могущественному государю новаго времени»..

Кто такой авторь,—мы не стапемъ до- бираться, хотя объ этомъ уже и начали говорить газеты. Въ статьѣ своей онъ даетъ непропорціонально большое мѣсто вопросу школьному, который рѣшаетъ въ катковскомъ смыслѣ. Къ самому г. Каткову опъ исполненъ благоговѣнія. Можно принять, что статья новаго русско-французскаго автора служитъ заграничнымъ эхомъ, болѣе откровеннымъ, тѣхъ же круговъ, которыхъ внутреннимъ представителемъ состоятъ «Московскія Вѣдомости», —и потому статья его имѣетъ во всякомъ случаѣ и практическое значеніе.

Вотъ какъ опредѣляетъ авторъ свое личное отношеніе къ положенію дѣлъ въ Россіи. «Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я присутствую съ стѣсненнымъ, сердцемъ при видѣ того, какъ постепенно обнима- етъ русскую націю зараза, которая угро- жаетъ гангренизировать весь ея организмъ; вотъ уже десять лѣтъ, какъ я, потерявъ вѣру, потерявъ охоту продолжать бесплод- ную борьбу, сложилъ оружіе и огра- ничился тѣмъ, что слѣдилъ издали за страшнымъ прогрессомъ зла, торжествую- щаго надъ неискусною преградой, которую ему противопоставляютъ. Если я теперь выхожу изъ своего убіжища, то вовсе не потому, чтобъ я льстилъ себя мыслию, что я нашелъ истинное лекарство, ни на- деждою, еще болѣе наивною, что я уви- жу, какъ оно пойдетъ въ дѣло. Нѣтъ; на той точкѣ, на которую пришли наши дѣла, я боюсь, что никакая сила человѣческая не будетъ въ состояніи остановить дви- женіе, увлекающее Россію. Броженіе въ родѣ того, какое овладѣло тамъ умами, сильнѣе всѣхъ попытокъ реакціи и должно фатально прійти къ страшной катастрофѣ. Самое большее, что можно сдѣлать, это ограничить послѣдствія взры- ва и особенно охранить отъ его отголос- ковъ сосѣднія государства».

Новый русскій сотрудникъ французска- го обозрѣнія одобряетъ отрицательную часть статьи его предшественника, по рѣ- шительно не согласенъ съ его московско- славянофильской философій исторіи Рос- сіи, ни съ предлагаемыми имъ, на осно- ваніи ея, мѣрами. Съ рѣзкою откровен- ностью нашъ авторъ отвергаетъ сходство и родство русскихъ (подъ которыми онъ, очевидно, разумѣетъ преимущественно великоруссовъ) съ славянами и признается съ удовольствіемъ, что русское государ- ство—татарское. Славяне, по его мнѣнію, слишкомъ большіе анархисты; только та-

тары внесли въ Россію государственный порядокъ. Петръ Великій — гениальный государственный — былъ, по его мнѣнію, истинный русскій, или татаринъ. Петръ Великій имѣлъ въ виду и вносилъ въ Рос- сію вовсе не европейскую цивилизацію, а европейскую окраску національнымъ, мос- ковско-татарскимъ учрежденіямъ, которы- ми только и можетъ держаться русское государство. Западная цивилизація, осно- ванная на личной свободѣ, не можетъ быть перенесена въ Россію,—въ которой все, начиная отъ крестьянскаго міра, до общества, изображеннаго въ «Горѣ отъ ума», не терпитъ уклоненія отъ «табун- наго начала». Россія колеблется между татаризмомъ съ его презрѣніемъ къ лич- ности и между славянизмомъ съ его анар- хіей, — и авторъ, хоть и признаетъ, что татаризмъ склоняетъ русскую націю къ излишнему авторитаризму, но все таки предпочитаетъ его необузданной славян- ской анархіи, образецъ который онъ ви- дитъ въ старой Польшѣ.

Вся бѣда правленія Александра II со- стояла, по мнѣнію автора, въ томъ, что, когда онъ ослабилъ татарскій принципъ, — то славянское начало взяло верхъ въ Россіи и породило анархію. Авторъ ри- суетъ ее фактами изъ жизни высшихъ школъ и литературы въ первую половину прошлаго царствованія,—но мы не станемъ ни воспроизводить его картины, ни кри- тиковать ее. Анархія довела до — Кара- козова. Александръ II открылъ глаза, — но, вмѣсто органическихъ поправокъ, взду- малъ соединить вмѣстѣ либерализмъ съ реакціей, противопоставляя созданнымъ имъ новымъ учрежденіямъ административный произволъ и, въ довершеніе зла, соединяя въ средѣ своего кабинета передовиковъ и реакціонеровъ. Тутъ нашъ авторъ изоб- ражаетъ примѣры столкновеній между Тимашевымъ и гр. Паленомъ (тоже пере- довикъ?!), гр. Толстымъ (котораго нашъ авторъ, впрочемъ, считаетъ въ концѣ кон- цовъ личнымъ интриганомъ, неспособнымъ искренно и до конца проникнуться высо- кими и спасительными идеями Каткова и Леоптьева) и Милютинимъ, которые иначе не называли другъ друга, какъ: «пиги- листъ» и «куаферъ». Милютинъ, которому нашъ авторъ приписываетъ парламентскія идеи и обвиняетъ царя именемъ «слѣпая судьба» (*fatum aveugle*), кажется автору однимъ изъ основателей пигилизма, осо- бенно привившимъ его къ офицерамъ че- резъ такихъ профессоровъ, какъ «полков- ники Лавровъ, Энгельгардтъ(?), Соколовъ и tutti quanti». Окончательно потрясла осно-

вы Россіи война, «несправедливая и не- счастливая, въ которую втянулъ ее, противъ воли кн. Горчакова (по мнѣнію автора,— татарина), человѣкъ, брошенный въ дип- ломатію случаемъ рожденія, предназна- ченный остаться въ памяти, какъ олице- твореніе лжи, генераль Игнатьевъ». Этотъ же «страшный государственный человѣкъ, съ отсутствіемъ правительственнаго ума, которое его отличаетъ», — раздулъ и про- тивусвѣтское движеніе — «вообразивъ, что эта агитація послужитъ отводомъ для ре- волюціонныхъ страстей». Уэкизмъ вѣроис- повѣднымъ ненавистямъ, раздѣляемымъ православными московскими панслависта- ми, приписываетъ авторъ и непризнаніе до сихъ поръ вѣротерпимости по отношенію къ 15 милліонамъ раскольниковъ.

Но мы приблизились уже къ концу раз- бираемой статьи, пропустивъ ту главу ея, (VI), въ которой авторъ излагаетъ свой планъ уврачеванія Россіи и которая сто- итъ не на должномъ мѣстѣ. Планъ этотъ во всякомъ случаѣ очень интересенъ, хотя бы по оригинальности. Авторъ рекомен- дуется два начала: «остановку въ либеральныхъ реформахъ и пол- ное отреченіе отъ системы про- извола».

Авторъ считаетъ парламентаризмъ не- возможнымъ въ Россіи, предполагая, что онъ начался бы грубою комедіею, чтобы перейти въ кровавую трагедію, вслѣдствіе напа- деній на него снизу и сверху, — и надо ска- зать, что опасенія автора далеко не лишены основаній. Образъ же либеральнаго прав- ленія, основаннаго на децентрализаци, автору и въ голову не пришелъ, — а по- тому онъ, отвергнувъ идею о парламента- ризмѣ, приходитъ къ мысли, что «вмѣсто того, чтобъ ослабить въ Россіи и безъ того поколебленную власть императора, нужно, напротивъ, укрѣпить ее и возвра- тить ей обаяніе. Но нужно, продолжаетъ авторъ, чтобъ самодержавіе перестало быть синонимомъ каприза. Практикуемый — какъ это бываетъ всегда въ дѣйствитель- ности — руками мелкихъ чиновниковъ про- изволъ можетъ только компрометировать личность государя, уничтожать уваженіе къ законамъ, вызывать неудовольствіе и волненіе. Нужно, чтобъ впредь произволъ царя или его чиновниковъ пересталъ и ломать и обходить законы, правильно об- народованные!»

Институтская иллюзія, которую делѣлъ еще Александръ I, — эта институтка на престолѣ, завершившая свои мечты «*de mettre un frein au despotisme de notre gou- vernement*» — правленіемъ Аракчеева! Какъ

будто «самодержецъ» не может и правильно сломать правильно обнародованные законы, т. е. собственнымъ указомъ обнародовать другіе! И еще болѣе, какъ будто предлагаемая авторомъ, вслѣдъ за написанными строками, мѣра — назначеніе «однороднаго кабинета» посредствомъ набора министровъ однимъ лицомъ, «первымъ министромъ, отвѣтственнымъ передъ царемъ» (и только передъ царемъ), может охранить самодержавіе (autocratie) отъ перехода въ произволъ (arbitraire, bon plaisir), — что въ сущности синонимы между собою?!

Дальнѣйшія реформы, предлагаемыя авторомъ, въ такомъ родѣ:

Предоставленіе первоначальнаго народнаго образованія въ руки поповъ (le pape), между прочимъ для того, чтобы увеличить ихъ доходы и уменьшить свободное время, употребляемое ими на пьянство. (Прелестно!) Строгая классическая система для приготовленія въ университеты, — при увеличеніи, впрочемъ, числа школъ техническихъ. Перенесеніе университетовъ въ маленькіе города; допущеніе въ студенты только юношей, которые докажутъ, что они имѣютъ средства продолжать ученіе; запрещеніе студентамъ давать уроки. Какимъ то образомъ рядомъ съ этими мѣрами, которыя должны удалить бѣднѣе изъ университетовъ, авторъ даетъ совѣтъ увеличить число казенныхъ стипендій, которыя надо давать лучшимъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ гимназій, особенно дѣтямъ чиновниковъ. Дальше слѣдуютъ мѣры о профессорахъ, экзаменаціонныхъ комиссіяхъ и т. п. — въ катковскомъ духѣ. Какъ мы сказали, авторъ обнаруживаетъ большое почтеніе къ г. Каткову, протестуя противъ смѣшенія этого «горячаго патріота и необыкновеннаго публициста» съ московскими папславистами (хотя, замѣтимъ, и признаетъ, что во главѣ послѣднихъ стоятъ не славяне, а пѣмцы, какъ гг. Ор. Миллеръ, и татары, какъ гг. Бестужевъ, Аксаковъ и др.).

Въ сферѣ судебной авторъ предлагаетъ: назначеніе мировыхъ судей правительствомъ, ограниченіе суда присяжныхъ и т. п., но выѣстъ съ тѣмъ и закрытіе исключительныхъ судовъ и публичность судебныхъ преній даже въ военныхъ судахъ (не исключительныхъ??), уваженіе къ судебнымъ приговорамъ. «Нужно ли прибавлять, говоритъ далѣе авторъ, что мы осуждаемъ безъ оговорокъ III отдѣленіе и предоставленную губернаторамъ власть распоряжаться *ad libitum* свободою и имуществомъ управляемыхъ. Если что

либо может оправдать террористическія дѣйствія нашихъ революціонеровъ, то, конечно, излишества произвола и чудовищныя несправедливости, совершаемыя ежедневно представителями государства. У народа полуазиатскаго, какъ нашъ, въ которомъ индивидуализмъ едва существуетъ, просвѣщенное правительство должно бы приложить всѣ заботы, чтобы развить, сколько можно, уваженіе къ личности, сдѣлавъ ее неприкосновенною въ ея особѣ и имуществѣ. Но до сихъ поръ русское правительство дѣлало всегда противное. Презрѣніе, какое показываютъ нигилисты къ жизни человѣческой, къ своей, какъ и своихъ противниковъ, объясняется до нѣкоторой степени подобнымъ же способомъ дѣйствія самой администраціи. Терроръ, полезный (?) въ моментъ кризиса, — будучи употребляемъ, какъ правильная система, идетъ прямо противъ своей цѣли. Прибѣгая къ нему, думаютъ запугать враговъ, — и только осмѣляютъ ихъ признаніемъ своего перепуга».

Драгоцѣнныя признанія, которыя не мѣшаютъ однако жъ нашему автору фантазировать на тему обзаконенія русскаго самодержавія! Впрочемъ, набрасывая планъ реформъ административныхъ, авторъ простираетъ свою непослѣдовательность даже до нѣкотораго признанія принципа либерализма. Онъ признаетъ трудность исправить пороки чиновничества иначе, какъ сокративъ его число и кругъ дѣйствій, усиливъ значеніе земствъ и даже подчинивъ чиновниковъ контролю послѣднихъ. Затѣмъ, онъ даже считаетъ нужнымъ теперь же ввести «много делегатовъ земствъ» въ государственный совѣтъ, предоставивъ имъ специально контроль надъ финансами. Только отъ земствъ ждетъ авторъ рѣшенія «жизненнаго вопроса для Россіи, — образованія умной и честной бюрократіи» *). Авторъ требуетъ пересмотра земской избирательной системы, въ какомъ, впрочемъ, направленіи, аристократическомъ или демократическомъ, онъ не говоритъ.

Подобными же противорѣчіями отличаются и планы автора относительно печати. Онъ совѣтуетъ «освободить ежедневную журналистику отъ административнаго произвола и позволить ей свободно обсуждать политическіе вопросы, обсуждать событія дня, указывать злоупотребленія, со-

*) Оттого то, между прочимъ, и происходитъ безжизненность нашихъ нынѣшнихъ земствъ, что они начали превращаться въ кадры для бюрократіи и заводить бюрократическія порядки.

вершаемыя представителями власти», — и въ то же время требуетъ строгаго прокурорскаго надзора за мѣсячными обзорѣніями, которыя въ Россіи, по его мнѣнію, распространяютъ вреднѣйшія мысли и защищаютъ царевубійство.

Сохранивъ неизмѣнимою основу теперешняго политическаго строя въ Россіи — самодержавіе, — авторъ долженъ былъ прійти въ концѣ своихъ разсужденій къ фатальному вопросу — не о порядкѣ, а о лицѣ, которое бы было въ состояніи «перестроить консервативную партію, мнѣнія и наклонности націи» и т. д. и т. д. Для монархиста, казалось бы, зачѣмъ же искать такого лица?! По монархической теоріи, оно посылается провидѣніемъ въ лицѣ главы династіи. Но, по нашему автору, такимъ человѣкомъ долженъ быть первый министръ, «сильный довѣріемъ своего государя и презирающій популярность», — и Александръ III долженъ еще поискать такого человѣка. Ну, а если самодержецъ, неспособный самъ стать нужнымъ для Россіи «государственнымъ человѣкомъ», окажется неспособнымъ и найти такого человѣка?!

Авторъ, очевидно, не менѣе насъ, отчаявается на этотъ счетъ.

«Пойдетъ ли Александръ III такого человѣка?» спрашиваетъ онъ въ концѣ — и отвѣчаетъ:

«Увы! мы сомнѣваемся. И это огорчаетъ насъ болѣе, чѣмъ тотъ гнѣвъ и злоба, которую вызоветъ этотъ очеркъ».

Этотъ финалъ закапчиваетъ впечатлѣніе, производимое всею статьею: это отходная русскому самодержавію, прочитанная консерваторомъ и монархистомъ.

Vivent nos amis — les ennemis!

Мы не взяли бы этого восклицанія назадъ даже и тогда, если бы мечты автора сбылись, если бы Александръ III, внявъ его совѣтамъ, взялъ себѣ въ преміеры, напр., человѣка, наиболѣе восхваляемаго авторомъ, М. Н. Каткова, и этотъ началъ бы осуществлять реформы, набросанныя авторомъ. Тогда бы стала окончательно очевидною вся неприложимость къ Россіи консервативно-дворянско-мандаринской утопіи нашего автора. Что же касается до устраненія изъ русскаго самодержавія элементовъ каприза, — то Россія бы увидѣла тогда такіе виды, что авось либо и слѣпые прозрѣли бы... Если русское самодержавіе не повалитъ либеральная и революціонная оппозиція, — то его доконаютъ монархисты и консерваторы. Но ждать тяжело, невыносимо! Сберечь

кровь возможно только ускорением роковой развязки.

Въ различныхъ иностранныхъ газетахъ и даже въ петербургскомъ революціонномъ листкѣ «Народная Воля» перѣдко помѣщались извѣстія о «Священной Лигѣ» и «Добровольной Охранѣ», при чемъ оба эти противуобщественныя и противугосударственныя учрежденія смѣшивались въ одно. Въ дѣйствительности же «Лига» и «Охрана» (добровольная, а не казенная, подъ управленіемъ Черевина) дѣйствовали, какъ намъ пишутъ, врознь до Января текущаго года, когда послѣдовалъ компромисъ, вслѣдствіе котораго «Добровольная Охрана» присоединилась къ «Свящ. Лигѣ» на условіи, что соединенное сообщество займется исключительно охраною личности императора и не стаплетъ преслѣдовать чьихъ бы то ни было политическихъ убѣждений. Общеизвѣстными членами «Добровольной Охраны» состояли и состоятъ слѣдующія лица: Воронцовъ-Дашковъ, Шереметьевъ, Шуяловъ, Дурново, Левашовъ, Долгорукий и другіе, о которыхъ упоминалось въ иностранныхъ газетахъ. На время коронаціи, которая, какъ видно, откладывается въ долгій ящикъ, предложили свои услуги этой новой царской «дружинѣ» и дворянства губерній Московской, Петербургской и Владимірской. Туда же полѣзли и дворяне козацкой области Войска Донскаго. Какая надобность? У дворянъ могли бы быть и другія, болѣе гражданскія обязанности, чѣмъ служеніе престолу подъ руководствомъ г-на Шульца, — впрочемъ, имъ лучше знать и, вѣроятно, ошибаемся мы, допустивъ на минуту предположеніе, что участіе въ заботахъ государственной полиціи — не дворянское дѣло.

Намъ пишутъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ завалено проектами о мѣрахъ обезпеченія порядка во время коронаціи, поступающими отъ частныхъ лицъ. Надъ разсмотрѣніемъ одного изъ такихъ проектовъ, рекомендованнаго какою то высокою особою, сидитъ теперь 3 чиновника особыхъ порученій. И есть надѣ чѣмъ, такъ какъ объемистая «записка» добровольнаго радѣтеля о безопасности русскихъ и иностранныхъ гостей во время коронаціи обнимаетъ собою всевозможные виды охраны и въ томъ числѣ даже охрану духа обывателей отъ безпокойныхъ ученій. Такъ, напр., предлагается составить особую программу обсужденія внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, которую, затѣмъ, Главное Управленіе по дѣламъ печати предписало бы всѣмъ газетамъ и журналамъ на время коронаціи, и рѣшавъ на то же время нѣкоторые изъ нихъ и въ особенности «Отечественныя Записки», такъ какъ, по мнѣнію автора проекта, въ беллетристическомъ отдѣлѣ этого журнала постоянно проводится «пигмалистическіе идеалы».

Иностранныя газеты снова заговорили о Лорисъ-Меликовѣ или, вѣрнѣе, самъ Лорисъ-Меликовъ снова заговорилъ о себѣ въ газетахъ, а тѣмъ временемъ его чиновная партія усердно толкуетъ въ Петербургѣ о какой то программѣ своего патрона. Старая пѣсня! Гдѣ же была эта программа въ такъ называемую эпоху «вѣяній»? А если и была, какъ увѣряли одно время, такъ развѣ не про нее, про эту программу, сложилась шутивая сказка о бѣломъ слонѣ? Тѣмъ не менѣе клика Игнатѣева встревожена, и возвратившагося въ Петербургъ экс-министра стараются сплавить — или опять за границу, «для поправленія разстроеннаго здоровья», на 30-ти тысячномъ казенномъ окладѣ, или куда нибудь на генералъ-губернаторство, чтобы не безпокоилъ своимъ присутствіемъ въ столицѣ.

Намъ сообщаютъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что департаментъ государственной полиціи распорядился проинформировать «секретное дознаніе» о политическихъ сообществахъ «не столь вредныхъ». Интересно было бы знать, надѣ кѣмъ и какими путями будетъ производиться подобное дознаніе, имѣющее х въ объектѣ и множество не извѣстныхъ въ опредѣленіи мѣстъ жительства и способовъ дѣйствія предполагаемыхъ злоумышленниковъ? Удивительные математики и рѣшительно неподражаемые сыщики — гг. чиновники государственной полиціи!

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ВОПРОСУ „ЧТО ДѢЛАТЬ“?

I.

Для мыслящаго человѣка въ Россіи вопросъ «что дѣлать?» есть нѣкоторымъ образомъ роковой вопросъ. Въ Западной Европѣ, гдѣ въ болѣе или меньшей степени существуетъ политическая свобода, этотъ вопросъ въ томъ или иномъ смыслѣ разрѣшается самой жизнью. Сама жизнь общественная даетъ дѣло, намѣчаетъ цѣли, указываетъ пути и средства. Мыслящему человѣку остается только изучать эту жизнь, приглядываться и смекать. Не то — у насъ въ Россіи. Отсутствие политической свободы, господство произвола, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ, вѣчный страхъ передъ жандармами роковымъ образомъ даютъ указанному вопросу слѣдующаго рода постановку, крайне невыгодную для поступательнаго движенія: «сидѣть-ли сложа руки, или бросать бомбы?» И результатомъ такой постановки является то, что всѣ тѣ, которые, съ одной стороны, не хотятъ и не могутъ сидѣть сложа руки, а, съ другой, не желаютъ, не могутъ или не находятъ цѣлесообразныхъ метать бомбы, — обречены на своего рода муки Тантала. Для всѣхъ этихъ людей, т. е. для громадной массы образованнаго общества, является потому неотложной необходимостію — добиваться установленія въ Россіи хоть какой-нибудь политической свободы и огражденія неотъемлемыхъ правъ личности, языка, мысли и

совѣсти. Потому что оставаться въ теперешнемъ положеніи значитъ именно оставаться безъ совѣсти, безъ мысли, безъ языка и безъ личности, — положеніе глубоко трагическое, изъ коего неминуемо разовьются всякаго рода нравственныя страданія и психическіе недуги. На такой почвѣ должна сгуститься атмосфера крайне душная.

Впрочемъ, и теперь она уже въ достаточной степени сгустилась, и ея удушающее давленіе тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать, чѣмъ болѣе развилась за послѣдніе годы сознательность и, если можно такъ выразиться, политическая зрѣлость образованнаго общества въ Россіи. Запросъ на общественную дѣятельность, потребность удовлетворять своимъ общественнымъ инстинктамъ, стремленіе превратиться, наконецъ, изъ подданнаго въ гражданина, несомнѣнно, назрѣваютъ и растутъ теперь, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Еще не такъ давно на аренѣ «оппозиціонной» и «революціонной» фигурировало почти исключительно такъ наз. молодое поколѣніе, учащаяся и неучащаяся молодежь, — тѣ «дѣти», активность которыхъ такъ часто противопоставлялась пасивности «отцевъ». Теперь этотъ «дѣтско-отцовскій» вопросъ упрядняется самой жизнью, и сама эта терминологія отзывается чѣмъ-то старымъ, отжившимъ, сданнымъ въ архивъ. — на сцену выступаютъ уже не «отцы и дѣти», а просто масса образованнаго общества, которое ищетъ сознательной общественной жизни и дѣятельности. Событія послѣднихъ пяти лѣтъ не могли не подѣйствовать возбуждающимъ или отрезвляющимъ образомъ на мыслящихъ людей въ Россіи. Война съ ея неосуществленными надеждами и неудачнымъ финаломъ, чума и голодъ, политическія убійства и правительственныя напика, антимейерейскіе волненія и беспорядки, лихорадочные припадки реакціи, напряженное ожиданіе поворота къ лучшему, страхъ передъ могущими вспыхнуть народными волненіями и т. д. — все это, выскочивъ изъ себя и сконцентрированное на пространствѣ какихъ нибудь пяти лѣтъ, представляетъ собою весьма, правда, суровую, но за то весьма дѣйствительную политическую школу, способную вызвать сознательное отношеніе къ дѣйствительности, ослѣпить индивидуализмъ у однихъ, и отрезвить юношескій пылъ у другихъ а во всѣхъ пробудить настойчивое стремленіе къ возможному измѣненію настоящаго положенія вещей.

При такихъ то условіяхъ удушливой гнетъ безправія и безгласности стапавшей вдвойнѣ тяжкимъ и трижды опаснымъ, ибо, при нашей неспособости, при отсутствіи у насъ способности къ коллективному дружному дѣйствію на общественно-политической аренѣ, при господствѣ вселескихъ недоразумѣній въ средѣ самого мыслящаго общества, эта масса неудовлетворенныхъ, по все болѣе назрѣвающихъ общественныхъ инстинктовъ и потребностей можетъ разразиться наконецъ такимъ Вавилонскимъ столпотвореніемъ мыслей, чувствъ и вожделѣній, въ которомъ не будетъ никакой

возможности нравственно-разумного существования. Брожение умов легко можетъ принять направленіе антисоціальное, напр., въ сторону мистическихъ увлеченій, какъ это мы видимъ уже на примѣрѣ петербургскаго апостольства Редстоковъ, Пашковыхъ и проч.

Единственное средство, чтобы избѣжать Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, состоитъ въ томъ, чтобы немедленно же приступить къ организаціи возможно большаго количества мыслящихъ людей безъ различія символовъ вѣры и отѣнковъ мнѣній, — но непременно людей, сходящихся въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ на характеръ и направленіе тѣхъ ближайшихъ реформъ, какія признаются абсолютно необходимыми въ настоящее время. Затѣмъ выясненіе и разработка главнѣйшихъ вопросовъ и задачъ современной жизни въ Россіи на страницахъ безцензурнаго изданія являются необходимымъ дополненіемъ указанной организаціи общественныхъ силъ, которыхъ мысль найдетъ себѣ такимъ образомъ исходъ и самоопредѣленіе.

Въ ряду тѣхъ вопросовъ, разработка которыхъ весьма желательна на страницахъ безцензурнаго изданія, опирающагося на организацію общественныхъ силъ въ Россіи, фигурируетъ и вопросъ «что дѣлать?» — т. е. что дѣлать этимъ общественнымъ силамъ въ виду исторически сложившихся недуговъ общественной жизни, въ ряду другихъ силъ и факторовъ этой жизни и въ интересахъ общаго блага и прогресса? Рѣшеніе этого вопроса находится въ тѣсной зависимости отъ правильной постановки тѣхъ задачъ, какъ, напр., отношеніе «интеллигенціи» къ «народу», реорганизація мѣстнаго самоуправления, централизмъ и федерализмъ и ми. др. Пишущій эти строки далеко отъ мысли исчерпать вопросъ во всей его полнотѣ и представить полный обзоръ его сторонъ и деталей, — онъ желаетъ бы только подѣлиться съ читателями «В. Сл.» нѣкоторыми мыслями и соображеніями, относящимися къ данной темѣ.

II.

Прежде всего, вопросъ «что дѣлать» имѣетъ въ виду такъ называемую «интеллигенцію». Вопросъ же объ «интеллигенціи» сводится къ вопросу объ отношеніяхъ этой интеллигенціи къ «народу». Эти отношенія составляютъ, какъ извѣстно, предметъ давнишнихъ дебатовъ въ нашей дозволительной печати. Дебаты эти въ послѣднее время приобрѣли особенную живость и интересъ, при чемъ возникли и новыя недоразумѣнія. Весь вопросъ вступилъ въ новый, болѣе острый фазисъ, обусловленный, съ одной стороны, выступленіемъ на сцену оффиціознаго реакціоннаго народничества Ив. Аксакова и Со, а, съ другой, «политическимъ» направленіемъ недавнихъ революціонеровъ-народниковъ.

Для правильной постановки вопроса объ отношеніяхъ интеллигенціи къ «народу» прежде всего необходимо прочно установить и на одну минуту не упускать изъ виду одно весьма важное положеніе.

Это — фактъ существованія колоссальной розни между «интеллигенціей» и «народомъ». Хотя это положеніе и общезвѣстно и на каждомъ шагѣ бьетъ въ глаза, тѣмъ не менѣе оно часто упускается изъ виду или же обставляется такими комментаріями, которые существеннымъ образомъ стусывываютъ его истинное значеніе. Идеализація «народа» все еще въ большомъ ходу у насъ; въ ходу также волюное или невольное отрицаніе тѣхъ чертъ «народа», которыя не могутъ быть симпатичны «интеллигенціи». Правдивое, грубо-реальное, чуждое прикрасъ изображеніе «народа», напр., въ очеркахъ Глѣба Успенскаго, всегда какъ то коробитъ интеллигентнаго читателя и даетъ даже поводъ обвинять авторовъ такихъ изображеній чуть-ли не въ измѣнѣ «народу» и народолюбію. «Народолюбіе» же всѣхъ видовъ и сортовъ — начиная съ искренно фанатическаго и кончая лицемерно-шовинистическимъ — составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ отличительныхъ чертъ нашей интеллигенціи. Оно по необходимости ведетъ къ поползновеніямъ говорить «за народъ». «За народъ» говоритъ и г. Ив. Аксаковъ, и г. Энгельгардтъ*), и «Исполнительный комитетъ», и «Черный Передѣлъ», и любая редакція петербургской газеты или журнала. Всѣ говорятъ за «народъ» и всегда болѣе или менѣе разнообразное, а зачастую такъ и прямо противоположное. Не трудно видѣть, что въ основѣ всѣхъ этихъ рѣчей лежитъ именно забвеніе той розни между интеллигенціей и «народомъ», памятованіе о которой должно было бы, наоборотъ, воздержать интеллигентныхъ людей отъ такихъ рѣчей или, по крайней мѣрѣ, внушить нѣкоторую осторожность и подсказать кое-какія оговорки.

Такое забвеніе указанной розни, такое самообольщеніе на счетъ глубины пропасти, лежащей между «народомъ» и интеллигенціей я считаю крайне неблагоприятнымъ для правильной постановки вопроса объ отношеніяхъ «народа» и интеллигенціи. Рознь необходимо признать во всей ея безотрадности. Она есть, она исторически сложилась и фатально существуетъ. И средства для ея устраненія могутъ быть найдены только въ томъ случаѣ, если мы въ нашихъ поискахъ за ними будемъ отъправляться отъ открытаго и безповоротнаго признанія этой розни, какъ факта, который существуетъ и съ которымъ нужно считаться.

Всѣмъ за признаніемъ розни, какъ факта, должна логически слѣдовать критика тѣхъ путей и средствъ, которые до сихъ поръ были указываемы для устраненія розни, для сближенія интеллигенціи съ «народомъ». Эти пути и средства яенѣе всего очертились въ эпоху знаменитаго «хожденія въ народъ» 1873—75 гг.

Было бы весьма любопытно и поучительно разсмотрѣть это «хожденіе въ народъ» по возможности обстоятельно и выяснитъ

*) Г. Энгельгардтъ есть несомнѣнно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ «деревни», жаль только, что онъ иногда неосторожно обобщаетъ на всю Россію свои выводы, сдѣланные въ одной Смоленской губерніи.

всѣ причины его неудачъ, его относительно-ной безплодности. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ было напечатано слишкомъ мало матеріаловъ, сюда относящихся. Тѣмъ не менѣе изъ того, что уже было опубликовано (записки пропагандистки въ «Общинѣ», воспоминанія бывшаго пропагандиста въ «Молвѣ» и др.), а равно и изъ данныхъ, выяснившихся на политическихъ процессахъ, можно установить нѣкоторыя основныя черты, которыми характеризовалось это движеніе и его дѣятели. Въ ряду этихъ чертъ первое мѣсто занимаютъ: вѣра въ близкое пришествіе «соціальной революціи» и увѣренность, что «народъ» приметъ съ распростертыми объятіями ея вѣстниковъ. Это дѣло — своего рода апостольство, подвижничество; пропагандисты обоого пола шли въ «народъ», вдохновляемые своего рода религиознымъ рвеніемъ, и несли ученіе «соціализма» — какъ оно воспроизводилось тогда въ изданіяхъ группы «Впередъ» и группы «анархистовъ-бакунистовъ». Относительно розни не беспокоились; думали, что она сгладится сама собою, и что пропасть, лежащая между интеллигенціей и «народомъ», можно легко восполнить постановкой соціалистическаго идеала. Извѣстно, какъ жестоко растоптала дѣйствительность эти иллюзіи... Рознь, глубокая, органическая рознь между интеллигентнымъ человекомъ и «народомъ» обнаружилась во всей своей ужасающей правдѣ: послѣ нѣсколькихъ лѣтъ массоваго хожденія въ «народъ», повлекшаго за собою столько жертвъ, столько разбитыхъ силъ и жизней, «народъ» остался, какъ и былъ, въ полнѣйшемъ неувѣдѣніи — не только «идеаловъ рабочаго социализма» (объ этомъ и говорить нечего), но даже просто существованія интеллигентной «революціонной партіи», принесшей и приносящей столько жертвъ для народнаго блага. Любопытно отмѣтить и то обстоятельство, что потерпѣли фиаско не только тѣ пропагандисты, которые несли съ собою «идеалы рабочаго социализма», но также и тѣ, которые настаивали на необходимости спуститься съ высотъ этого идеала до такъ называемыхъ «народныхъ требованій». Есть основанія думать, что даже такіе, по-видимому, чисто «народные» пожеланія, какъ, напр., переходъ земель отъ помѣщиковъ къ «народу», если «народъ» услышитъ ихъ изъ устъ интеллигенціи, будутъ перетолкованы этимъ народомъ совершенно превратно. У «народа» нѣтъ довѣрія къ интеллигенціи, и нельзя вызвать это довѣріе, наряжаясь въ народный костюмъ или спускаясь до такъ наз. «народныхъ требованій». «Народъ» прежде всего не понимаетъ того психологическаго мотива, который побуждаетъ интеллигенцію искать сближенія съ «народомъ». Не видя этого мотива, мужики думаютъ, что «это не просто», что «господа хитрятъ и хотятъ обмануть народъ». И въ самомъ дѣлѣ: если бы, напр., явился ко мнѣ неизвѣстный мнѣ человекъ съ увѣреніемъ въ дружбѣ и любви ко мнѣ и если бы мотивы, имъ руководящіе, оставались мнѣ неизвѣстны и непонятны, то чувство, которое охватило бы меня по отношенію къ этому человеку,

было бы непременно — недоверие. Лучшее средство устранить недоверие — пока какъ одну изъ главныхъ помѣхъ къ осуществленію добрыхъ намѣреній на дѣлѣ — состоитъ, очевидно, въ объясненіи «мотива». Въ индивидуальной жизни это дѣло пустяшное, но въ аналогическихъ отношеніяхъ между двумя классами такого рода «объясненіе мотивовъ» есть дѣло далеко не шуточное даже и въ Западной Европѣ, гдѣ цивилизація выработала несравненно лучшія, чѣмъ у насъ, органы, средства и орудія для такихъ «объясненій». Въ Россіи же дѣло упорядоченія отношеній между интеллигенціей и народомъ обставлено еще большими трудностями и препятствіями, чѣмъ въ Зап. Европѣ. Помимо отсутствія органовъ для «взаимныхъ объясненій» — органовъ въ родѣ сходовъ, газетъ, популярныя чтеній и проч. — помимо того также, что разстояніе между «мужикомъ» и «интеллигентнымъ человекомъ» въ Россіи несравненно больше, тѣмъ въ Европѣ, у насъ данный вопросъ осложняется присутствіемъ еще одного фактора, значеніе котораго часто упускается изъ виду. Этотъ факторъ чрезвычайно важенъ, и на его признаніе и пониманіе цѣлкомъ зиждется вся постановка вопроса объ упорядоченіи отношеній между интеллигенціей и «народомъ».

Факторъ этотъ состоитъ въ томъ, что у насъ въ Россіи «народъ» — то не одинъ, у насъ много народовъ и при томъ весьма разнообразныхъ. И вотъ, когда дѣло дойдетъ до толковыхъ «объясненій» интеллигенціи съ этими народами, то, несомнѣнно, придется объясняться не со всеми разомъ, а съ каждымъ особо. А между тѣмъ интеллигенція-то у насъ одна — общерусская, но съ преобладающимъ великорусскимъ пошибомъ. Столковаться этой интеллигенціи со всеми племенами, населяющими Россію, — имѣть абсолютно никакой возможности. Единственное средство для успешнаго упорядоченія отношеній между интеллигенціей и народами Россіи состоитъ въ дифференцированіи самой интеллигенціи по этимъ народамъ.

Этотъ вопросъ о дифференцированіи общерусской интеллигенціи по народностямъ, населяющимъ Россію, я считаю однимъ изъ основныхъ вопросовъ нашего общерусскаго прогресса. И считаю, поэтому, весьма важнымъ, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ возможно широко и разумно. Прежде всего — по моему крайнему убѣжденію — не слѣдуетъ смотрѣть на такое дифференцированіе, какъ на нѣчто искусственное, какъ на нѣчто навязываемое общерусской интеллигенціи, какъ на средство, полезное для достиженія извѣстныхъ цѣлей, но во всякомъ случаѣ непріятное и могущее быть принятымъ, какъ говорится, лишь скрѣпя сердце. Если бы весь вопросъ ставился именно въ такомъ видѣ, то не стоило бы и поднимать его: это былъ бы вопросъ безнадежный. Вѣдь дѣло идетъ не о какой-либо маленькой группѣ людей, задавшихся извѣстными цѣлями, — людей, которые для достиженія этихъ цѣлей пои-

дутъ съ охотой и на дифференціацію и на что угодно. Не нужно забывать, что дѣло идетъ о цѣломъ классѣ, который я называлъ классомъ интеллигентнымъ; классъ этотъ довольно многочисленъ и съ каждымъ годомъ растетъ; онъ также весьма разнообразенъ по положенію, по роду занятій, по привычкамъ и воспитанію лицъ, входящихъ въ его составъ. Всей этой массѣ нельзя, конечно, «навязать» то, что я называю дифференцированіемъ, если она сама этого не хочетъ или къ этому не способна.

Очевидно, одно изъ двухъ: либо весь вопросъ долженъ быть поставленъ совершенно на другую почву, либо лучше совѣмъ и не поднимать его. Я его поднимаю, — стало быть, я долженъ поставить его на надежную почву.

Прежде всего, дифференцированіе, о которомъ я говорю, не должно быть понимаемо, какъ какое-либо искусственное средство. Что оно послужитъ средствомъ, напр., для устраненія той розни, о которой мы говорили выше, — это несомнѣнно. Но само по себѣ это дифференцированіе есть прежде всего извѣстный этнографическій и социальный процессъ, который, какъ и всякій процессъ въ природѣ, развивается по своимъ законамъ, не задаваясь никакими цѣлями и не подозревая того, что онъ является средствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Понятіе о цѣляхъ и средствахъ вносится въ этотъ процессъ, такъ сказать, со стороны, по скольку вообще вносится въ него элементъ сознательности. И такъ, повторю, дифференцированіе общерусской интеллигенціи есть безсознательный процессъ, который будетъ развиваться такъ же фатально, какъ раньше развивался противоположный ему процессъ централизаціи и овлечоруженія интеллигенціи. Поверотъ отъ централизаціи и однообразія къ децентрализаціи и дифференцированію интеллигенціи обуславливается слѣдующими причинами.

Мы имѣемъ въ Россіи громадную, подавляющую массу «народа» — массу далеко не однообразную, говорящую на разныхъ языкахъ, имѣющую не одну, а нѣсколько «исторій». Это — не народъ, а народы.

Теперь я приглашаю читателей отрѣшиться на нѣсколько минутъ отъ сегодняшней злобы дня, отъ застарѣлой постановки вопроса, отъ вчерашней точки зрѣнія. Мы съ вами, читатель, живемъ годами, а иногда и днями, — народы живутъ вѣками или по меньшей мѣрѣ десятками лѣтъ. Поэтому, трудно сказать определенно, что будетъ съ русской интеллигенціей черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, — смотря по обстоятельствамъ, она можетъ за это время измѣниться до неузнаваемости. Наоборотъ, весьма легко предсказать, что будетъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ народами Россіи: они, несомнѣнно, останутся тѣмъ же, чѣмъ были. Это будутъ все тѣ же великорусы, бѣлорусы, малорусы, поляки, литовцы и пр. и пр.

Они останутся тѣмъ же, чѣмъ были и есть, по условія ихъ жизни и отношенія

ихъ къ «интеллигенціи» за это время радикально измѣнятся. И не трудно видѣть, — въ какомъ направленіи эти измѣненія произойдутъ: они повлекутъ за собою сугубую зависимость интеллигенціи отъ народныхъ массъ. Это положеніе станетъ намъ совершенно ясно, если мы постараемся внимательно выискивать въ естественный ходъ вещей въ Россіи. Этотъ ходъ вещей опредѣляется тѣмъ, что — не взирая на то, что мужикъ до сихъ поръ не въ авантажѣ обрѣтается — онъ одной лишь своей наличностію да численностію обуславливаетъ и положеніе и измѣненіе вещей. Не будь его или будь его поменьше, мы съ вами, читатель, давнымъ давно имѣли бы конституцію, хоть плохонькую. Онъ безмолвствуетъ, но на немъ покоятся какъ здоровые, такъ и гнѣлые устои общерусской государственной жизни. Русское государство есть по природѣ государство мужицкое, которое однако по волѣ судьбы, напавшихъ на насъ еще со временъ татарщины и московщины, стало аристократическо-бюрократическимъ и могло бы таковымъ и остаться, если бы мы не жили въ XIX-мъ вѣкѣ и не были вовлечены въ круговоротъ европейской цивилизаціи. Эта послѣдняя — пѣсочка также аристократическая — охвачена теперь могучимъ процессомъ демократизаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ и русское государство по необходимости, volens-nolens, будетъ демократизироваться, и самую конституцію мы получимъ только потому, что она есть одинъ изъ шаговъ на пути къ такой демократизаціи. Успѣхи этой послѣдней повлекутъ за собою еще большее усиленіе значенія народныхъ массъ въ Россіи. Интеллигенція, которая и теперь экономически, политически и нравственно зависитъ отъ народныхъ массъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ демократизаціи будетъ зависетьъ отъ нихъ сугубо. Теперешняя посредственная и болѣе или менѣе отдаленная, порою трудно уловимая зависимость превратится тогда въ зависимость осязательную, прямую, повседневную. До сихъ поръ эта зависимость была такого рода, что лицамъ и слоямъ, зависимымъ отъ народныхъ массъ, предоставлялась была широкая возможность помыкать этими массами. Если мы безпристрастно взвѣсимъ смыслъ хода вещей въ Россіи за послѣдніи 20 лѣтъ, то увидимъ, что эта возможность все суживается, такъ что «помыканіе»-то постепенно упраздняется. Съ тѣмъ вмѣстѣ и зависимость интеллигенціи отъ народныхъ массъ выступаетъ рѣзче и получаетъ болѣе открытое и прямое выраженіе, и не далеко то время, когда всѣ мы — люди интеллигенціи — будемъ ясно сознавать и ощущать, какъ тѣсно зависимъ мы отъ «народа», трудами котораго мы питаемся и который, въ свою очередь, потребуетъ отъ насъ работы на себя. Я убѣжденъ (въ слѣдующей главѣ читатель найдетъ нѣкоторыя сюда относящіяся соображенія), что многочисленный классъ крестьянства въ недалекомъ будущемъ будетъ поставленъ именно въ такія условія, что станетъ требовать, а мы — люди изъ интеллигентныхъ классовъ — бу-

демъ поставлены въ необходимость удовле-творять и подчиняться этимъ требованіямъ. И вотъ тогда-то намъ придется приспособляться къ этимъ условіямъ и требованіямъ. Намъ придется приспособляться къ народнымъ массамъ, а не народнымъ массамъ къ намъ. Оттуда, при этнографическомъ разнообразіи этихъ массъ, необходимо послѣдуетъ въ средѣ приносящейся интеллигенціи подборъ соответствующихъ качествъ и признаковъ, т. е. восполняется дифференцированіе интеллигенціи по племенамъ, населяющимъ Россію. На этомъ то пути только и можетъ уничтожиться та рознь, о которой мы говорили выше.

Ставя вопросъ такимъ образомъ, мы спускаемся съ высотъ идейнаго народолюбія на почву реальныхъ фактовъ и реальныхъ жизненныхъ интересовъ. А потому я долженъ просить благосклоннаго читателя не забывать, что, говоря о «народѣ», я всегда буду имѣть въ виду разнообразныя племена мужиковъ съ ихъ національными признаками, съ ихъ достоинствами и недостатками и съ ихъ жизненными потребностями, которыя съ теченіемъ времени будутъ все увеличиваться количественно и качественно. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ забывать, что, говоря объ интеллигенціи, я опять таки имѣю въ виду не маленькую группу «народолюбцевъ», а большую массу людей, вышедшихъ изъ разныхъ слоевъ, но оторванныхъ отъ «народа» образованіемъ, привычками, понятіями и, въ большинствѣ случаевъ, языкомъ. Я беру эту массу не со стороны идей, увлеченій, идеаловъ и пр., а со стороны ея ежедневныхъ потребностей — начиная отъ желудочныхъ и кончая умственными. Я беру эту массу — не какъ коллективно самоотвергающуюся и самоотрекающуюся, а какъ желающую прежде всего жить и потому приспособляющуюся.

III.

Было бы ошибкой думать, что наша «интеллигенція» могла бы когда-либо превратиться въ такъ наз. «правящій классъ». Она, какъ извѣстно, складается изъ «разночинцевъ» да изъ разорившихся или разоряющихся дворянъ-помѣщиковъ. Въ общемъ, въ массѣ, все это народъ немущій, живущій трудомъ, службой, свободными и не-свободными профессіями. Это — своего рода пролетаріатъ. Если мы прослѣдимъ исторію русской интеллигенціи, то увидимъ, что сначала ея ряды наполнялись людьми болѣе или менѣе обезпеченными, но преимущественно дворянами, которые занимались либеральными профессіями не изъ-за насущнаго хлѣба, а исключительно по внутреннему влеченію. Цвѣтомъ этой интеллигенціи были декабристы. Но уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ ряды интеллигенціи стали вступать люди немущіе, число которыхъ все увеличилось и, наконецъ, послѣ паденія крѣпостнаго права и раззоренія помѣщиковъ, стало преобладающимъ. Все заставляетъ думать, что въ томъ же направленіи дѣло будетъ идти и дальше: ряды интеллигенціи будутъ и

впредь пополняться людьми, которые либо потеряли, либо еще не приобрѣли. Число немущихъ среди интеллигенціи будетъ и впредь значительно превышать число людей состоятельныхъ. Само собой разумѣется, что изъ этой интеллигенціи «правящій классъ» не выгоритъ. Если этому послѣднему суждено таки возникнуть у насъ, то онъ составитъ изъ разныхъ Деруновыхъ и Колупаевыхъ, которые съ «интеллигенціей» ничего общаго не имѣютъ, да, чего добраго, изъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, изъ нѣмцевъ, которые при будущихъ болѣе свободныхъ порядкахъ въ Россіи придутъ къ намъ конкурировать съ Колупаевыми.

Такъ вотъ именно это-то обстоятельство, что наша интеллигенція складается примѣрно на $\frac{9}{10}$ изъ людей немущихъ и впредь будетъ сохранять такой-же составъ, я считаю чрезвычайно важнымъ для правильной оцѣнки отношеній между народомъ и интеллигенціей. Этой послѣдней нужно питаться, нуженъ заработокъ. До сихъ поръ она получала этотъ заработокъ частью отъ правительства, частью отъ людей состоятельныхъ въ ея же средѣ, а также и отъ общественныхъ учрежденій, напр., отъ земствъ. Такъ что распределеніе функций между частями интеллигенціи было до сихъ поръ и будетъ, пока существуетъ теперешній порядокъ въ Россіи, въ общихъ чертахъ такое: значительная часть идетъ «дѣлать карьеру» и поступаетъ на государственную службу, другая часть бросается на либеральныя профессіи, въ родѣ адвокатуры, литературы, искусствъ, поступаетъ на частную или земскую службу; третья — самая малая — часть, состоящая изъ людей съ идеалами и вышнимъ правительственнымъ закаломъ, идетъ въ «революцію». Такое распределеніе интеллигентныхъ силъ я считаю совершенно ненормальнымъ и думаю, что такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ $\frac{3}{4}$ этихъ силъ пропадаетъ даромъ, а отчасти и прямо ужъ отзывается вредно на ходъ прогресса въ Россіи. Но, само собой разумѣется, это обстоятельство не можетъ быть поставлено въ вину интеллигенціи: оно есть неизбежный результатъ ненормальности всего положенія вещей въ Россіи и само собою исчезнетъ, какъ только это положеніе вещей измѣнится. А это послѣднее измѣнится очень скоро, потому что кризисъ, переживаемый Россіей въ настоящее время, слишкомъ великъ и тяжелъ, чтобы изъ него можно было выйти, сохраняя status quo. Измѣненіе же теперешняго порядка вещей въ Россіи произойдетъ въ смыслѣ перехода отъ централизма къ децентрализаци и отъ бюрократизма къ общественной инициативѣ. При какихъ бы условіяхъ, съ какими бы подробностями и ограниченіями ни былъ совершенъ такой переходъ, — во всякомъ случаѣ онъ отзовется весьма серьезнымъ образомъ на положеніи нашей интеллигенціи и на ея отношеніяхъ къ другимъ частямъ населенія. То распределеніе функций, о которомъ мы говорили только что, измѣнится существеннымъ образомъ. Значительная часть тѣхъ, которые шли до сихъ

поръ на государственную службу, перейдетъ на службу земскую, общественную. Массы интеллигентной молодежи, скупившіяся теперь въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, выдѣлятъ изъ себя извѣстный контингентъ, который распределится по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, по деревнямъ и селамъ. При успехахъ децентрализаци и самоуправления эти интеллигентныя силы всегда найдутъ себѣ въ такъ наз. провинціальной глуши дѣло, выгодное для нихъ и полезное для края. Вообще спросъ пробуждающейся жизни на интеллигентныя силы подымется очень высоко. Тогда-то будетъ значительно парализовано это убійственное и часто деморализирующее скупиваніе интеллигентныхъ людей въ столицахъ и большихъ городахъ, — скупиваніе, вызванное централизаци и само ведущее къ дальнѣйшему отчужденію мыслящей части общества отъ народныхъ массъ и отъ провинціальной жизни. Къ числу прискорбныхъ сторонъ этого скупиванія слѣдуетъ отнести и гибельное дѣйствіе той конкуренціи, той борьбы за существованіе, которая по необходимости возгорается въ средѣ скученной интеллигенціи и фатально ведетъ къ гибели и «захудалости» однихъ (и далеко не всегда худшихъ), къ деморализаци другихъ, къ отчаянію, къ отвращенію отъ жизни и къ революціоннымъ эксцентричностямъ — третьихъ. Послѣ паденія централизаци и бюрократизма, люди книжнаго образованія, люди аудиторій и умственного труда выйдутъ изъ душной атмосферы большихъ центровъ на вольный просторъ провинціальной жизни и придвинутся къ почвѣ, къ жизни, къ сырому матеріалу жизни. И только тогда интеллигенція приобрететъ то чутье жизни, котораго она однако не достаетъ въ настоящее время и благонамѣренному бюрократу, и демократу-мечтателю, и революционеру-фанатику.

Такимъ образомъ интеллигенція подойдетъ ближе къ своему настоящему назначенію — состоять на службѣ общественной и народной. Нести эту службу честно и разумно — въ этомъ и состоитъ, по моему крайнему убѣжденію, идеалъ и призваніе интеллигенціи. Но этотъ идеалъ, само собой разумѣется, воплотится въ жизни не сразу. Онъ будетъ воплощаться постепенно, шагъ за шагомъ приближался къ своему осуществленію по мѣрѣ того, какъ будутъ прогрессировать мѣстное самоуправленіе, областная и провинціальная сознательность и пр., а также (что особенно важно) по мѣрѣ того, какъ будетъ улучшаться экономическое положеніе крестьянъ и какъ будутъ развиваться ихъ матеріальныя и нравственныя потребности. Только съ того момента, когда въ крестьянствѣ возникнетъ сознательная потребность въ услугахъ интеллигенціи, эта послѣдняя получитъ возможность приступить къ осуществленію своего призванія. Въ настоящее время интеллигентный человѣкъ или совсѣмъ не нуженъ крестьянамъ, или, если-бы и оказался нужнымъ, то навѣрно будетъ встрѣченъ ими съ недовѣріемъ, или же просто, по независящимъ причинамъ, не имѣетъ къ нимъ

доступу. Такія ненормальныя отношенія прекратятся съ паденіемъ административнаго гнета со всѣмъ его «охранами», а переходъ общественныхъ функций изъ рукъ бюрократіи въ руки самихъ обществъ дастъ интеллигенціи извѣстное положеніе и осѣдлость въ край и такъ обр. поставитъ ее въ непосредственныя отношенія къ крестьянамъ. Но для окончательной и вполнѣ нормальной постановки этихъ отношеній и для ихъ дальнѣйшаго развитія въ интересахъ народнаго блага и прогресса, необходимы, во первыхъ, улучшеніе экономическаго положенія крестьянъ и, во вторыхъ, реформа мѣстнаго самоуправления въ духѣ такъ-наз. «всесоюзной волости». Постараемся ближе прослѣдить значеніе этихъ двухъ факторовъ.

IV.

Улучшеніе экономическаго положенія крестьянства можетъ быть достигнуто рядомъ такихъ мѣръ, какъ увеличеніе надѣловъ, организація переселеній, податная реформа и пр. Общественное мнѣніе въ Россіи давно уже указываетъ на вопиющую необходимость скорѣйшаго осуществленія этихъ мѣръ, и весь вопросъ сводится въ настоящее время лишь къ тому, кто и какимъ образомъ эти реформы проведетъ. Само собою разумѣется, что путемъ бюрократическимъ такія реформы не могутъ быть проведены. Для ихъ осуществленія необходимы свободный общественный починъ, широкая гласность, свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ и правительственныхъ мѣропріятій въ печати, наконецъ, общественный контроль надъ тѣми, кто будетъ приводить въ исполненіе соотвѣтствующія мѣропріятія.

Но эти начала — общественный починъ, свободная печать, общественный контроль могутъ произвести нѣчто разумное, прочное и прогрессивное только подъ условіемъ ихъ постановки на широкомъ базисѣ децентрализаціи. Не трудно видѣть, что общественный починъ въ формѣ центральнаго законодательнаго собранія, которое будетъ призвано облагодѣтельствовать всѣ народы Россіи, навѣрно окажется неспособнымъ выработать начала реформъ, которыя могли бы съ успѣхомъ быть приложены ко всѣмъ краямъ и народностямъ нашего обширнаго отечества. Равнымъ образомъ и свободная печать, централизованная въ двухъ или трехъ пунктахъ, не будетъ въ состояніи здраво судить о степени годности или приложимости предлагаемыхъ реформъ для той или другой мѣстности. Центральное законодательное учрежденіе и централизованная печать всегда рискуютъ имать въ ошибки, аналогичныя тѣмъ, какія дѣлаетъ на каждомъ шагѣ бюрократія. Если не легко опредѣлить, гдѣ кончается призванный правительствомъ «свѣдущій человѣкъ» и гдѣ начинается бюрократъ чиновникъ, то трудно будетъ опредѣлить и разницу свободно избраннаго земствами центральнаго законодательнаго собранія отъ «института свѣдущихъ людей». Много всенныхъ «воротилъ» засѣдаетъ въ земствахъ... И парла-

ментское большинство, которое весьма легко можетъ составиться изъ такихъ «воротилъ», такъ повернетъ реформу, что потомъ въ десятки лѣтъ не расхлебашь. Здравая идея реформы, пригодная для данной мѣстности, можетъ созрѣть только на мѣстѣ, при участіи всѣхъ заинтересованныхъ обитателей этой мѣстности и подъ освѣщеніемъ свободной критикой въ мѣстной печати. А затѣмъ уже (въслѣдствіе незрѣлости у насъ федеральныхъ началъ) эта мѣстная реформаторская мысль должна быть перенесена въ центральный парламентъ для согласенія ея съ другими мѣстными проектами реформъ. Такъ обр. нашъ центральный законодательный корпусъ долженъ состоять изъ мѣстныхъ представителей, которые внесутъ въ него уже готовые начала реформъ, и задача парламента должна состоять только въ томъ, чтобы эти реформы согласовать такъ, чтобы интересы одной мѣстности не шли въ ущербъ другой. Этотъ центральный парламентъ, стало быть, долженъ быть разсматриваемъ не какъ готовальня реформъ, а только какъ необходимый суррогатъ неуспѣваема еще выработаться у насъ свободно-федеративнаго начала*).

Одна готовальня реформъ на всю Россію немыслима. Въ каждой мѣстности должна зрѣть своя мѣстная реформаторская мысль. Но для того, чтобы эта послѣдняя въ самомъ дѣлѣ созрѣла, необходима — кромѣ освобожденія отъ всяческаго гнета — еще и предварительная перестройка мѣстнаго самоуправления. Эта перестройка будетъ тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ больше автономности и простору для самодѣятельности будетъ дано всему населенію мѣстности.

Поэтому-то на ряду съ такими отрицательными реформами, какъ устраненіе административнаго произвола, освобожденіе печати, обезпеченіе личности и пр., необходимо теперь же добиваться и радикальной реформы мѣстнаго самоуправления въ смыслѣ учрежденія мелкихъ территориальныхъ округовъ, населенію которыхъ должны быть предоставлены права избирать — всѣмъ безъ различія сословія, званія, имуществва, образованія, религіи и вѣроисповѣданія, а также и пола, — свой мѣстный муниципалитетъ, свою полицію, своихъ судей и пр., а также — комисіи для статистико-экономическаго изученія мѣстности и для выработки проекта мѣстныхъ экономическихъ реформъ. Такіе автономныя и самоуправляющіеся округа представятъ арену, на которой осуществится взаимодействіе всѣхъ наличныхъ силъ и факторовъ, находящихся въ данной мѣстности. Крестьянство выступитъ на этой аренѣ со своими пожеланіями, помѣщики — съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ, интеллигентные разночин-

цы — съ предложеніемъ своего умственного труда и т. д. Всѣ выскажутся, всѣ потрудятся, и — несомнѣнно изъ хаоса мнѣній, изъ путаницы желаній, часто противоположныхъ, изъ разнообразія голосовъ выдѣлится, въ концѣ концовъ, та психологическая «равнодѣйствующая», которая называется простымъ здравымъ смысломъ. А этотъ простой здравый смыслъ обитателей мѣстности схватитъ и пойметъ потребности мѣста и времени не въ примѣръ лучше, чѣмъ это могло бы быть сдѣлано посредствомъ мудравѣй въ центральномъ парламентѣ. А гдѣ не проявится этотъ смыслъ, тамъ, значитъ, на нѣтъ и суда нѣтъ: обитатели, не сумѣвшіе найти разумной «равнодѣйствующей», получать должный урокъ и впредь будутъ умиѣе.

Только такимъ путемъ и можно, какъ говорится, «опросить» страну, только такимъ путемъ и можетъ она «высказаться».

V.

Изъ всего вышеизложеннаго сама собою вытекаетъ «программа» или отвѣтъ на вопросъ «что дѣлать» — для всѣхъ, но желающихъ бросать бомбы, но также не желающихъ и сидѣть, сложа руки.

Я стараюсь представить, какъ я его понимаю, естественный, безсознательный ходъ вещей въ Россіи. Онъ необходимо направляется въ сторону децентразаціи и перевѣса общественной инициативы надъ бюрократическимъ благоусмотрѣніемъ и будетъ сопровождаться постепеннымъ переходомъ интеллигенціи отъ теперешней ея оторванности отъ «народа» къ культурному служенію этому народу, къ осѣдлости и повседневной дѣятельности среди народныхъ массъ, что повлечетъ за собою этнографическое приспособленіе интеллигенціи къ этимъ народнымъ массамъ, а, стало быть, въ силу этнографическаго разнообразія послѣднихъ, и — къ дифференцированію общерусской интеллигенціи по племенамъ, населяющимъ Россію. Таковъ безсознательный ходъ вещей, таковы культурныя процессы, замѣчающіеся и развертывающіеся въ Россіи. Но сознательная часть общества можетъ и должна внести въ эти процессы свою лепту — свою мысль, свои требованія, свою волю, — съ тѣмъ, чтобы ускорить ходъ вещей, сообщить ему болѣе нормальное теченіе, устранить тѣ недоразумѣнія, ошибки и неудобства, которыя всегда въ большомъ количествѣ мутятъ и загромождаютъ теченіе всѣхъ безсознательныхъ, стихійныхъ процессовъ въ исторіи. Вмѣшательство въ дѣло людей передовыхъ и мыслящихъ — всегда желательно; но желательно также, чтобы оно опиралось на пониманіи того, что совершается, на постиженіи безсознательныхъ процессовъ. На этомъ пониманіи только и можетъ быть построена практичная и здравая программа прогрессивной партіи. Согласно моему способу пониманія хода вещей въ Россіи, эта программа должна выставить на первый планъ — кромѣ всенныхъ свободъ — требованіе реформы мѣстнаго самоуправления въ толь-

*) Вся исторія Россіи есть ни что иное, какъ рядъ бѣдствій, обрушившихся на населеніе этой страны въслѣдствіе ихъ неумѣнія федерироваться, и если въ этой исторіи есть какой-либо смыслъ, то онъ заключается въ томъ, чтобы когда нибудь выработать способность къ федеративному строю, который одинъ только и можетъ упорядочить прогрессивный ходъ вещей «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды».

ко что указанномъ смыслѣ, предоставленіе мѣстнымъ всесословнымъ группамъ работы экономическихъ реформъ и созывъ парламента — только какъ суррогата недостающихъ федеративныхъ связей.

НАКАНУНѢ ТЕРРОРИЗМА.

Для паблюдавшаго со стороны современное революционное движеніе въ Россіи должна казаться совершенно непостижимой та удивительная быстрота, съ какою совершилась метаморфоза русской социалистической партіи. Начавшись въ 1873—74 гг. съ апостольской проповѣди европейскаго социализма, русское движеніе перерождается въ 1878 г. въ терроризмъ, движеніе, имѣющее въ основѣ чисто политическія и даже конституціонныя требованія. Невольно приходитъ въ голову вопросъ: зачѣмъ-же было начинать съ конца для того, чтобы внослѣдствіи все равно прійти къ началу? Не проще-ли было бы начать съ конституціонализма, какъ идея болѣе простой, чтобы прійти путемъ естественной эволюціи къ федералистическому социализму, формѣ неизмѣримо сложнѣйшей? Можетъ быть, это было-бы и проще, но едва ли было возможно. Дѣло въ томъ, что русское современное движеніе поддерживается почти исключительно молодежью; молодежь же, разъ она начала заниматься общественными вопросами, необходимо должна была принять послѣдніе и крайніе выводы человѣческой мысли по этимъ вопросамъ и дѣйствовать во имя ихъ: крайніи, передовыи выводы въ сферѣ общественныхъ наукъ были социализмъ. Я думаю, что можно безошибочно сказать, что молодежь вообще, въ массѣ всегда склонна ассимилировать или даже просто принимать на вѣру крайніе выводы человѣческой мысли во всѣхъ сферахъ ея: въ области религіи она атеистъ, въ сферѣ естественныхъ наукъ — трансформистъ и дарвинистъ, въ романѣ — сторонникъ реализма, — точно такъ-же, какъ въ области общественныхъ наукъ — социалистъ. Что за дѣло, если «послѣдніе выводы» неиримѣны къ даннымъ условіямъ среды или если они даже окажутся вообще ложными? Молодежь хватается за нихъ, потому, что не можетъ не взять ихъ: это обуславливается ея темпераментомъ и самымъ складомъ формирующагося ума.

Много разъ уже говорилось о реакціи, наступившей среди социалистической молодежи вслѣдъ за массовыми арестами 1874—75 гг.; много разъ упоминалось о печальной эпохѣ затихшя 1876—77 г., лишь время отъ времени прерываемой демонстраціями молодежи въ Петербургѣ и Москвѣ, — но никто не взялъ на себя труда внимательно проанализировать эту эпоху, въ которую уже начинали складываться элементы для политической борьбы, имѣющей теперь мѣсто въ Россіи.

Я не имѣю претензіи представить полную характеристику этого времени; я хочу только бѣглыми штрихами очертить общую фисіономію эпохи и, главнымъ образомъ, показать, какъ сложились тѣ идеи и тѣ условія, которыя естественно привели социалистовъ къ политическому терроризму.

«Движеніе въ народъ», начатое съ такими лучезарными надеждами, было разбито на всѣхъ пунктахъ: народъ, въ массѣ, не понималъ пропагандистовъ-перипатетиковъ вслѣдствіе различія круга идей того и другихъ, вслѣдствіе малаго знакомства социалистовъ съ деревнею, ея условіями и особенностями; правительство съ своими жандармами и шпионами, тогда еще не такъ изловченными, какъ теперь, сумѣло все таки переарестовать и о ч т и в с ѣ х ѣ *) пропагандистовъ, бывшихъ въ народѣ. Положительные результаты оказались ниже принесенныхъ жертвъ.

Когда прошли первыя минуты жгучаго угнетенія, овладѣвшаго социалистическою молодежью вслѣдствіе послыханныхъ погромовъ, въ кружкахъ начали анализировать причины неудачи движенія. Первое, къ чему пришли, это — «наша неподготовленность»: «мы пошли въ крестьянство совершенно незнакомые съ его міросозерцаніемъ, столь отличнымъ отъ нашего; мы, люди, выросшіе въ городахъ, чужды крестьянину и по понятіямъ нашимъ, и по складу нашего ума, по манерамъ и по языку: заговорить даже съ нимъ мы почти не умѣемъ». — Да, но аресты? Невозможно-же все сваливать на одно отсутствіе подготовки: она пришла-бы, эта подготовка, и у нѣкоторыхъ уже начинали выработываться качества, необходимыя для пропагандиста въ народѣ, но мѣръ того, какъ они дольше жили среди него; но лишь только дѣла ихъ начинали идти успѣшнѣй, ихъ арестовывали... за книжку, часто дозволенную цензурой, за мирные разговоры съ крестьянствомъ о мѣстныхъ экономическихъ вопросахъ.... Возмужавши-ли сколько нибудь обширная социалистическая пропаганда при нашихъ условіяхъ несвободы слова и печати, при запрещенности союзовъ, — не говоря уже о социалистической организаціи въ крестьянствѣ, которая у насъ затрудняется и вообще вслѣдствіе незначительной густоты населенія и отдаленности деревень одной отъ другой.

Вотъ приблизительно тѣ вопросы, которые стали передъ социалистическою молодежью, лишь только очнувшись она немного отъ страшныхъ ударовъ, нанесенныхъ ей арестами 1874—75 гг. Вездѣ по кружкамъ разбирался они, эти вопросы, вездѣ дебатировались; но прежде, чѣмъ получили какой нибудь положительный отвѣтъ на нихъ, выдвинулся новый вопросъ, одно появленіе котораго, по моему, было уже отвѣтомъ на все прежніе вопросы. Этотъ новый вопросъ — вопросъ о политической свободѣ и конституціи.

Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée! Разъ идея о немедленномъ приложеніи европейскаго социализма къ Россіи перестала быть аксіомой и стала возбуждать сомнѣнія, она необходимо должна была пасть, потому что, разбитая на практикѣ, она держалась лишь слѣною вѣрою.

Кто жилъ въ описываемую мною эпоху въ кружкахъ молодежи, тотъ помнитъ хорошо тѣ нескончаемые разговоры и пренія, тѣ споры, ту, наконецъ, обширную рукописную литературу,

*) За періодъ времени отъ 1874 до 1875 было арестовано около 2,000 социалистовъ.

которые возбудили вопросъ о конституціи. «Должны-ли мы желать конституціи ради успѣха социализма въ Россіи?» — такъ ставился вопросъ. Нѣтъ, — доказывали одни, основывая свою аргументацію на томъ, что конституція отвлечетъ общество и часть молодежи на путь парламентской борьбы, совершенно безполезной для народа; мало того, самый народъ, не понявъ значенія новой реформы, начнетъ возлагать на нее надежды и сдѣлается на нѣкоторое, но крайній мѣръ, время совсѣмъ ужъ недоступнымъ для проповѣди социализма. А развѣ въ западной Европѣ конституціонный режимъ улучшилъ хоть чѣмъ нибудь экономическое положеніе европейскаго пролетаріата? — прибавляли противники конституціонализма.

Другіе — и это, кажется, большинство — высказывались за конституцію. «Исторія, говорили они, не терпитъ скачковъ. Это ребячество — разсчитывать, что русскій абсолютизмъ можетъ сразу, вдругъ замѣниться социализмомъ, воплощеннымъ въ жизнь. Переходныя ступени, цѣлый рядъ ихъ необходимъ между первымъ и послѣднимъ. Исторія развитія европейскихъ обществъ показала намъ, что послѣ абсолютизма первая ступень на пути къ прогрессу вездѣ была конституціонный режимъ. Идѣ-же тѣ данныя, на которыхъ мы можемъ основывать свои надежды, что у насъ будетъ иначе, чѣмъ было во всемъ цивилизованномъ мірѣ? Сами московфилы, специально занимающіеся русскою самобытностью, и тѣ, кромѣ патріотическихъ декламаций, ничего не могутъ выдумать въ защиту ея». — «Вы говорите, отвѣчали они своимъ противникамъ, что конституцію раньше или позже все равно дадутъ. Да, по въ нашемъ интересѣ, чтобы ее дали раньше, — ужъ хоть потому, что она, освободивъ слово и прессу, на первыхъ же порахъ сдѣлаетъ возможнымъ теоретическое развитіе социализма, а внослѣдствіи, когда пройдетъ первое ослѣпленіе конституціонализмомъ, она очиститъ намъ путь для дѣятельности въ народѣ. Но главное это то, что конституціонный режимъ задержитъ у насъ развитіе буржуазіи, какъ политическаго и экономическаго класса. Правительство, самый крупный капиталистъ и буржуа, всѣми средствами способствуетъ теперь развитію буржуазіи, начиная съ охранительныхъ тарифовъ и желѣзнодорожныхъ гарантій, кончая покровительствомъ станковыхъ мелкому кулачеству. Теперь наша нарождающаяся буржуазія невѣжественна, классовые интересы ея чужды: пока это свора ничѣмъ неслоченныхъ хищниковъ. Но подъ покровительствомъ абсолютизма она можетъ развиваться въ дѣйствительную силу. Нужно, слѣдовательно, разрушивъ абсолютизмъ, воспрепятствовать ея развитію, нужно выдвинуть новыя общественные элементы, пока въ буржуазіи не содалось еще сословнаго міросозерцанія, сословной солидарности. Конституція поможетъ намъ исполнить эти задачи».

Среди такихъ толковъ о конституціи засталъ социалистическую молодежь процессъ 193. Показавъ липпій разъ нагляднымъ образомъ всю затруднительность мирной пропаганды социалистическихъ идей въ крестьянствѣ, благодаря полному отсутствію сво-

боды слова и печати, и, с другой стороны, возбудив негодование немолдой жестокостью приговоров, продиктованных абсолютизмом, этот процесс, казалось, для большинства социалистов решил положительно вопрос о политической свободе.

Несколько ранее процесса 193 появилась так называемая народническая программа, объединившая большую часть социалистических сил в России. Положение, поставленное в основу практической деятельности партии: «масса не пропагандируется, а агитируется», — провозглашая агитацию, как главное средство борьбы, это положение необходимо должно было привести (что случилось и фактически) к более логичным защитникам народнической программы к стремлению установить такой политический режим, который допустил бы возможность агитации, потому что, при абсолютизме, говорящем даже безстрастную проповедь научных доктрин, агитация в более широких размерах абсолютно немислива.

К концу 1877 г. значительная часть социалистов была сочувственно расположена к конституции, от которой раньше большинство открепивалось. Но быть расположенным к чему и действовать во имя чего — две вещи разные. Большинство молодежи, сознавая даже первостепенную важность конституции для России, но все же сторонилось «политики», не имея мужества отложить даже на некоторое время свои идеалы чистого социализма. Я говорю это не в упрек ей: это истинный факт, что не так-то легко отказать вдруг от идеалов, которые долгое время мы лелели, которые стали как бы частью нас самих. Для этого нужна большая внутренняя борьба, и только самые сильные способны вынести эту борьбу и не падомиться в ней. Так было и здесь. Люди, самые энергичные, самые страстные, самые убежденные из социалистов, с успехом вынесли эту борьбу и, оставив на время социализм, взялись за «политику», пренебрегли обвинениями в отсутствии стойкости, в узости взглядов и проч., и проч., обвинениями, которые повторились позднее «Черным Передельцем» (№ 1) по адресу народников-демократов.

Первым актом, ознаменовавшим выступление социалистов на путь террористической борьбы, считают обыкновенно покушение на Третьякова. Мне кажется, что связывать этот факт, равно как и убийство Мезенцева, с деятельностью террористов — совершенно ошибочно. Терроризм, как политическая доктрина, тогда еще не родился.

Покушение В. И. Засулич было вызвано просто страстным чувством негодования за поруганное человеческое достоинство. Так оно было понято тогда и обществом, рукоплескавшим ему, и социалистической молодежи. Если же это покушение имеет какую нибудь связь с терроризмом, то связь эта чисто внешняя: оно было предвозвестником той борьбы, в которую впоследствии были втянуты вступившие политики из социалистов.

Убийство Мезенцева точно также факт, одиноко стоящий. Хотя в брошюре «Смерть

за смерть», выпущенной для объяснения этого факта, политическое убийство признается уже целесообразным и законным средством борьбы с правительством, но взгляды автора ее так отличны от понятий о задачах и условиях революционной деятельности в России, высказанных позднее террористами, что, по моему, совершенно ошибочно ставить убийство Мезенцева в ряд последующих террористических актов.

Автор брошюры «Смерть за смерть» стоит на почве европейского социализма. Труд и капитал, пролетарий и капиталист — вот, по понятиям его, борющиеся силы в России. Отсюда вытекает и его главное предложение правительству — отойти в сторону и не мешать борьбе пролетариата с буржуазией, капиталы которой будут отняты у нее вместе с жизнью. Самый же факт убийства объясняется, как это видно из заглавия брошюры, мстью.

Чтобы понять на сколько вышеприведенные взгляды разнятся от понятий террористической партии, достаточно взглянуть в ее орган, «Народную Волю». Вот что говорится там в руководящей статье 2 №-ра: «История создала у нас, на Руси, две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию. Другая социальная группа и понятие у нас имеют самое второстепенное значение», — стало быть, о социализме, в смысле борьбы труда с капиталом, у нас и речи не может быть.

Далее, говоря об отношении революционной деятельности к государству, автор статьи высказывает следующий взгляд на государство в России: «Самостоятельное значение нашего государства составляет факт чрезвычайно важный, потому что, сообразуясь с этим, деятельность социально-революционной партии в России должна принять совершенно особый характер. Россия, собственно говоря, представляет нечто в роде обширного поместья, принадлежащего компании под фирмой: «Русское Государство». Экономическое и политическое влияние, как и быть должно, сливаются и сводятся к одному юридическому лицу — к этой самой компании. При таких условиях политическая и экономическая реформа становится также неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот. Непосредственным источником народных бедствий, рабства и нищеты является государство. Поэтому, как только мы задаемся целью освободить народ, наделять его землей» и т. д. — «мы волею-неволею должны столкнуться с правительством, которое видит в народ своего политического и экономического раба. Для того, чтобы сделать что нибудь для народа приходится прежде всего освободить его из-под власти этого правительства, сломать это правительство, отнять у него его господскую власть над мужиком. Таким образом, наша деятельность принимает политический характер».

Из этой выписки видна ясно разница воззрений автора брошюры «Смерть за

смерть» *) и террористов, которые, далекие от того, чтобы галантно просить правительство посторониться и не мешать народной борьбе, в нем-то, в этом правительстве, и видят важнейшего врага и главного эксплуататора народа, а, стало быть, и своего прямого противника.

И так, первые два факта кровавой расправы мало общего имеют с «политикой» и с теоретическим терроризмом. Политические тенденции части молодежи находят отголосок и в первый раз выражаются публично в «Земле и Воле».

Этот журнал представляет собою прекрасный документ для характеристики состояния умов и борьбы различных направлений в социалистической партии, пред-

*) Интересно вспомнить, как отнеслась к брошюре «Смерть за смерть» заграничная печать, русская и украинская. В «Общем Деле» (№ 16, Октябрь 1878 г.) В. З. (недавно в этой газете было объявлено, что статьи с этими инициалами принадлежат умершему несколько месяцев назад писателю, Вароламею Зайцеву) увидел в этой публикации «новую продолжку шпионов», — желавших, по примеру бонапартовской полиции, погнать русское общество красивым призраком, требующим «миллиона голов». Эта система говорит автор статьи «Новая продолжка шпионов» в конце ее, — явилась теперь и в Петербурге. Одни шпионы в III отделении сочиняют и распространяют манифесты социалистов, другие в «Голосе» критикуют их. Но подделка так груба, что может произвести эффект только среди русской публики, для которой эта подделка еще новость. Шпион, притворяющийся революционером, все таки не смел, однако, бранить правительство или предъявлять серьезные требования.... Поэтому шпион, изображающий революционера, требует у правительства только терпимости и тут же прибавляет, что желает терпимости с целью исторгнуть жизнь у буржуазии. Смотрите мол, добрые россияне, вот имя заимь терпимости то нужна! Чтобы вас всех предупредить! Стало быть, если увидите социалиста влисаемого, четвергуемого или колесуемого, кланяйтесь нам и благодарите нас: это мы вашу жизнь от исторжения ограждаем!» и т. д.

И думаю, что В. З. в самом деле вверил, что прокламация, о которой он говорил, была сочинена в III отделении, что, говоря это, он не употребляет только своего рода «полемического приема» против идей, которые ему не нравились. Во всяком же случае очень характерно отношение довольно известного русского писателя к публицисту, выражавшей в свое время идеи известного числа русских революционеров.

В то же время брошюра «Смерть за смерть» была подвергнута критике и в украинском издании «Листога Громади», № 1, в статье г. Драгоманова «Коли битися, то не миритися!» Отрицая политическое убийство, особенно тайное, как принцип, г. Драгоманов считает такие убийства делом совершенно естественным в России, как следствие политической системы, в ней господствующей. Обращаясь к предположению в брошюре возможности терпимости социалистов к этой политической системе, т. е. к абсолютизму, и на оборот — абсолютизму к социализму, критик ставит это предположение в ряд с другими опытами уступок со стороны русских социалистов царизму и православью, сравнивает их с подобными же попытками на западе Европы и приходит к заключению о невозможности для социалистов никакого примирения с абсолютизмом политическим и религиозным, равно как и с капиталистическим. Что же касается до России, то г. Драгоманов высказывает мысль, что там и для социалистов первой задачей является борьба за политическую свободу.

Третий орган эмиграции из России, «Община», последний № которой помечен Ноябрьем и Декабрем 1880 г., ни одним словом не обмолвился ни о самом убийстве Мезенцева, ни о брошюре «Смерть за смерть».

шествовавших порождению терроризма. Там можно было найти все, начиная с европейского и кончая пугачевским социализмом, от идей революции 1793 г. до набросков политической программы террористов включительно (Листокъ «Земли и Воли», № 4, по поводу покушения Соловьева). «Политика» занимала въ «Земли и Воли» видное мѣсто, отъисняя социализмъ все далѣе и далѣе на задній планъ, что привело наконецъ къ распаденію «Земли и Воли» на двѣ газеты: «Народную Волю», преемницу политическихъ тенденцій «З. и В.», органъ сложившейся уже группы террористовъ, и «Черный Переделъ», участвовавшій социалистическія идеи «Земли и Воли» съ ея сомнительною истинностью понятій о социализмѣ въ приложеніи къ Россіи.

До сихъ поръ я показалъ, какъ зародился политическое направленіе въ русской социалистической партіи и какимъ образомъ часть молодежи, выдѣлившись изъ нея, сложилась въ особую политическую группу. Какъ же и въ чемъ на первыхъ порахъ выразились тенденціи этой группы? Какимъ образомъ она приступила къ достиженію политической свободы, признанной ею безусловно необходимой для прогресса ея родины? Были ли терроризмъ тотъ путь, на который она вступила съ перваго шага въ своей дѣятельности для разрушенія абсолютизма и достиженія политической свободы? Такъ думаютъ противники терроризма и его заграничные защитники: по крайней мѣрѣ, ни тѣ, ни другіе никогда не упоминали о другой политической дѣятельности молодежи. Если бы это было такъ, то террористы въ самомъ дѣлѣ заслуживали бы тогда упрека въ томъ, что взились за такое крайнее средство, какъ политическое убійство, не испробовавъ сначала другихъ болѣе умѣренныхъ, менѣе губительныхъ. Но въ дѣйствительности къ терроризму прибѣгли только тогда, когда не видѣли передъ собой другаго пути къ достиженію своей цѣли — политической свободы.

Когда часть молодежи рѣшилась добиваться политической свободы, естественно у нея явилась мысль искать себѣ союзниковъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые болѣе всего недовольны существующимъ политическимъ строемъ, для которыхъ политическая свобода цужие всего. Въ Россіи мало кто доволенъ настоящимъ абсолютистскимъ режимомъ, — развѣ вотъ только кулаки всякаго рода, разоряющіе народъ подъ прикрытіемъ этого режима. Все же прочіе классы, сознательно или безсознательно, противъ существующихъ политическихъ отношеній. Земства, либеральная пресса, либеральная адвокатура — вотъ элементы, болѣе и сознательнѣе всего недовольные этими отношеніями. Съ ними то и вступили въ переговоры политики изъ молодежи, призывая ихъ къ солидарной работѣ для достиженія общей для нихъ цѣли — политической свободы. Они предлагали соединить ихъ энергію, ихъ выдержку въ борьбѣ, ихъ тайныя средства (типографію, тайныя пути сношеній и пр.) съ вліяніемъ въ обществѣ «либераловъ» и ихъ силою, какъ массы, — чтобы добиться того, что призна-
но всѣми образованными людьми настоятель-

пой потребностью Россіи. Они пытались вывести «либераловъ» изъ ихъ косности и перенести отъ либеральныхъ разговоровъ шепоткомъ къ энергическому дѣйствію, стремились побудить ихъ къ организаціи.

Не время еще фактически и детально разсказывать о попыткахъ молодежи въ этомъ направленіи. Въ нихъ принимали участіе самые активные и серьезныя кружки молодежи и многіе изъ тѣхъ, которые погибли впоследствии на висѣльницѣ или гибнуть на каторгѣ, какъ террористы. Для себя они ничего не требовали: они желали быть только честными союзниками «либераловъ», стоящими даже на заднемъ планѣ въ виду сравнительной легальности предполагавшейся борьбы. Сама «Земля и Воля», органъ на половину социалистическій, способствовала распространенію требованій либеральныхъ земствъ, печатая ихъ отвѣты на знаменитое правительственное сообщеніе 1878 г., призывающее общество на борьбу съ крамолой. Относясь критически къ тону этихъ отвѣтовъ и стремленію земствъ опереться на государство, а не на народъ, «Земля и Воля» все же находила ихъ фактомъ, въ высшей степени достойнымъ вниманія. Въ тайной петербургской типографіи печатались прокламаціи съ конституционными требованіями отъ имени умѣренныхъ либераловъ *).

Одно время усилія политической молодежи, посылавшей своихъ делегатовъ въ различные земства, казалось, готовы были увѣнчаться успѣхомъ: множество представителей различныхъ земствъ проектировали коллективное заявленіе правительству, домогающееся политической свободы, и даже рѣшились устроить политическую демонстрацію въ Петербургѣ, приславъ туда для этой цѣли своихъ делегатовъ. Но ничего изъ этого, какъ извѣстно, не вышло. Неуспѣли ли ли либеральные земцы мезальяне со вчерашними социалистами? или у нихъ не хватило мужества добиваться того, что сами же они считали безусловно необходимымъ? или просто ихъ опять одолѣлъ тотъ непробудный сонъ, которымъ спитъ Россія уже цѣлые вѣка? Какъ бы то ни было, сношенія молодежи съ «либералами» были прерваны; она опять увидѣла себя одинокою съ своею тяжелой задачей. Приходилось разсчитывать только на свои силы, чтобы сломить тотъ безобразный колоссъ на глиняныхъ ногахъ, который называется русскимъ государствомъ. Отступитъ или идти впередъ? Отступитъ они не могли: люди убѣжденные и страстные не останавливаются передъ первой неудачей. Нужно избрать только новый путь... Правительство своей борьбою противъ нихъ, борьбою при помощи висѣльницъ, централовъ, рудниковъ, само толкнуло ихъ на аналогическій путь борьбы противъ себя: мирные политики взяли въ руки револьверъ и кипжали, запаслись динамитомъ — и стали тѣми страшными террористами, которые возбуждаютъ удивленіе всего міра своей отчаянной отвагой и наводятъ ужасъ на самого царя, окруженнаго лѣсомъ штыковъ, и держать его взаперти въ четырехъ стѣнахъ загородныхъ дворцовъ. При всеобщемъ равнодушіи и

*) Нѣкоторые изъ этихъ прокламацій были, впрочемъ, написаны самими же революціонерами.

инертности, борьба противъ абсолютизма кровавыми средствами была необходима — она и явилась.

Чья вина? Кто отвѣтственъ за жертвы террористической борьбы? Тѣ, которые могли бы предотвратить ее своимъ умнотворяющимъ внимательствомъ, но которые предпочли оставаться спокойными зрителями гекатомбъ, приписанныхъ во всѣхъ углахъ Россіи тупому, мертвящему абсолютизму; то либеральнѣющее общество, которое прекрасными словами прикрываетъ свое отсутствіе твердыхъ убѣжденій и воли, свою инертность.

И терроризмъ не можетъ остановиться никакими казнями, никакими каторгами: всегда найдется въ Россіи достаточно людей, которые, глубоко проникшись идеей свободы и не находя иного пути борьбы за нее, какъ терроризмъ, возьмутся за револьверъ. Правительство же, повидному, не склонно отступить, увлекаясь пелѣною мечтою перевѣшать всѣхъ, у кого въ груди живетъ страстная и активная любовь къ свободѣ. Только одно либеральное общество и можетъ положить конецъ терроризму, вступивъ въ энергическую борьбу за политическую свободу. Только одно широкое общественное движеніе и въ состояніи прекратить эту кровавую драму, разыгрывающуюся въ Россіи вотъ уже три года, — движеніе, высоко поднявшее знамя борьбы за неотъемлемыя, коренныя права лица и общества. Только такое движеніе, съ энергіей ведомое обществомъ, и можетъ убить терроризмъ и не въ силу конкуренціи энергій, какъ полагаютъ г. Драгомановъ («В. С.», № 34), а потому что, разъ такое движеніе началось, террористической партіи ничего не остается, какъ сказать — «нынѣ отпущаеши»: она начала эту «братоубійственную войну», которая для нея гораздо болѣе печальна, чѣмъ для правительства» (рѣчь Исаева, «В. С.», № 36), лишь потому, что попытка ея вызвать подобное движеніе не увѣчалась успѣхомъ.

Л. Бонди.

„Народная Воля“ о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи.

(Окончаніе).

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ соображеній «Народной Воли» о централизаціи и децентрализаціи революціоннаго дѣла въ Россіи, мы должны разобрать, по необходимости кратко, соображенія «Н. В.» или, лучше сказать, ея упованія на счетъ возможности въ настоящую минуту одновременнаго завершенія въ Россіи переворота политическаго и социально-экономическаго. Намъ эти упованія кажутся далеко не такъ основательными, какъ сотрудникамъ «Н. В.» Притѣры всего міра показываютъ, что даже при гораздо болѣе степеніи развитія и организаціи, чѣмъ та, на которой стоятъ чернорабочія массы въ Россіи, народы еще до сихъ поръ не сдѣлали столь радикальныхъ переворотовъ социально-экономическаго порядка, какъ перевороты, ожидаемый «Н. Волей». Конечно, крестьяне въ Россіи толкуютъ теперь о всеобщемъ передѣлѣ земли, но мысль

объ этомъ, передѣлѣ обставляется у нихъ крайне фантастическими подробностями и въ большинствѣ мѣстностей выражается въ ожиданіи передѣла по указу царя,—такъ что отъ этой мысли до дѣйствительнаго передѣла, а тѣмъ болѣе до отмѣны частной собственности въ землѣ и фабрикахъ и до организациіи народнаго хозяйства по идеалу социалистовъ (безъ чего экономическое неравенство тотчасъ же возстановливается) еще очень и очень далеко. Собственно, мысль о всеобщемъ передѣлѣ земли и не нова въ руссiйской крестьянской средѣ. Уже во время эмансипаціи крестьянъ въ 60-е годы въ этой средѣ ходили ожиданія и слухи о «новой волѣ», о «настоящей волѣ», «царскомъ выкупѣ», «слушномъ часѣ» и т. д.,—и что же? Быть можетъ, именно потому, что эти чаянія связывались съ вѣрой въ сигналъ и указъ отъ царя и вообще со стороны, — они не получили ровно никакого реальнаго политическаго значенія, а остались только какъ примѣры крестьянскихъ политическихъ суетврій. Теперь экономическія отношенія въ Россіи нѣсколько обострились,—хотя, съ другой стороны, въ поддержку принципа собственности приготовился извѣстный классъ крестьянъ личныхъ собственниковъ,—но и теперь мечты крестьянъ о всеобщемъ передѣлѣ могли бы получить широкое политическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нихъ можно было удалить всякія надежды на царя (русскаго, или китайскаго!), замѣнивъ ихъ мыслью о собственной инициативѣ. Невидно, чтобы эта послѣдняя мысль вырабатывалась самими крестьянами въ Россіи (особенно въ центральной) въ широкихъ размѣрахъ; образованныхъ же пропагандистовъ этой мысли слишкомъ мало въ Россіи, и именно трудность для нихъ доступна до народнои массы, при теперешнемъ политическомъ строѣ Россіи, и была одною изъ главныхъ причинъ, которыя обратили социалистовъ этой страны на путь борьбы за политическую свободу. Очевидно, что если въ Россіи теперь и можно (по нашему, должно) ждать народныхъ волненій, то вовсе не такихъ, которыя бы были въ состояніи радикально измѣнить социально-экономическій строй такъ, какъ онъ еще не измѣненъ нигдѣ,—а только такихъ, какія были, напр., во время великой французской революціи, — которыя пугали правительство, дезорганизовывали господствующую политическую систему и облегчали возможность наиболѣе организованнымъ политическимъ элементамъ, ей противнымъ, захватывать власть, между прочимъ и для того, чтобы «возстановить порядокъ». Подобное значеніе уже начинаютъ имѣть пылкіе «противуеврейскіе безпорядки» на югѣ Россіи, которые должны бы, кажется, показать, что, при настоящей степеніи развитія и организациіи народныхъ массъ въ Россіи, возстанія ихъ могутъ имѣть только отрицательное значеніе и при томъ далеко не радикальное. А еще не слѣдуетъ забывать, что противуеврейскія волненія происходятъ въ странѣ, въ которой крестьянскія массы наименѣе забиты вѣковымъ крѣпостнымъ правомъ и наименѣе воспитаны преданіями монархической исторіи, чрезъ которую прошли массы областей бывшаго московскаго государства!

Во всякомъ же случаѣ, если бы въ обла-

стяхъ Россіи и дошло до поголовныхъ возстаній крестьянъ съ захватомъ земель и фабрикъ, то трудно понять, для чего бы была нужна тогда санкція центральнаго революціоннаго временнаго правительства? Если бы же такого захвата не произошло, то никакой декретъ временнаго правительства не въ состояніи его предписать, такъ какъ вообще радикальнѣе перемѣны быта и понятій декретами производиться не могутъ *). Для этого нѣтъ силъ даже у правительства постоянныхъ, а тѣмъ болѣе у временныхъ. У временнаго же революціоннаго правительства въ Россіи, опирающагося только на центры, т. е. на столицы,—допустивъ даже, что оно будетъ имѣть на своей сторонѣ все фабрично-рабочее населеніе столицъ и даже часть армій (т. е. въ столицахъ гвардіи!), — у такого временнаго правительства въ Россіи не можетъ быть силы не только навязать всему населенію Россіи радикальную экономическую перемѣну, но даже, — говоря языкомъ «Народной Воли», — «уяснить народу истинный смыслъ требованій революціонеровъ и ограбить крестьянскую среду (т. е. всю Россію) отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа». Чтобы не обольщаться подобными мечтами, достаточно только вспомнить цифры населенія столицъ въ Россіи сравнительно съ населеніемъ всей страны.

На основаніи всего сказаннаго, мы думаемъ, что тѣ социалисты въ Россіи, которые пришли ужъ къ мысли о необходимости политическаго переворота для болѣе успѣшнаго направленія и дѣла переворота социально-экономическаго, поступили бы наиблагоразумнѣе, если бы и не обольщались надеждами на возможность одновременнаго пехода обоихъ переворотовъ, а тѣмъ болѣе мечтали о возможности направлять ходъ социально-экономическаго переворота мѣропріятіями центральныхъ временныхъ правительствъ (декретами, коммиссарами и т. п. подражаніями способамъ дѣйствія консервативной бюрократіи), а направили бы свои усилія къ тому, чтобы способствовать по крайней мѣрѣ произведенію дѣйствительнаго политическаго переворота, т. е. установленію дѣйствительной политической свободы, которая бы дала возможность и будущей организациіи чернорабочихъ массъ, городскихъ и сельскихъ, и союзу съ ними образованныхъ социалистовъ. Такая свобода дается только ослабленіемъ централистической государственной власти, разрушеніемъ ея бюрократической машины и установленіемъ учреждений, обеспечивающихъ права лицъ и группъ и самоуправленіе общинъ и областей, а вовсе не перемѣнами центральныхъ государственныхъ учреждений или царскихъ въ парламентскія, хотя бы даже и въ республиканскія, тѣмъ болѣе, что такіа перемѣны — съ сохраненіемъ машины власти — рѣдко удерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ устанавливаютъ центральныя революціи, и что почти всегда сохраненная или даже усовершенствованная революціей централизованная машина власти въ самомъ пе-

продолжительномъ времени поворачивается противъ революціи.

Конечно, стать на рекомендуемую нами точку зрѣнія на дѣло политическаго и социального переворота въ Россіи—значить признать взгляды, къ которымъ въ русскихъ революціонныхъ и даже вообще въ радикальныхъ кругахъ привыкли прикладывать малопочетную кличку «постепенности», которое приравнивали, совершенно несправедливо, къ щедринскому: «погодить!» Но что же дѣлать, если исторія говоритъ громко въ пользу того, что люди совершенствуются только въ извѣстной постепенности? Вѣдь и самое обращеніе значительной части русскихъ социалистовъ, и при томъ наиболѣе активной ихъ части, отъ прежняго «чистаго социализма» къ борьбѣ за пріобрѣтеніе политической свободы есть ни что иное, какъ признаніе этой постепенности. Надо же быть логичнымъ до конца и признать, что для нашего времени, для т. н. народнаго дѣла выигрышъ будетъ большой, если Россія получитъ хоть одну эту политическую свободу, которая обезпечитъ за всемъ населеніемъ элементарныя человѣческія права и дастъ друзьямъ массъ народа возможность систематическаго труда для ихъ блага *).

Централизациа же и свобода—вещи, взаимно другъ друга исключаютія. Заявленія, въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаемъ въ «Народной Волѣ», — что централизациа необходима «въ первый моментъ революціонной борьбы, до пріобрѣтенія прочныхъ результатовъ» и т. п., — ни что иное, какъ или софизмы, которыми тѣ элементы, какими и теперь, и впоследствии выгодна централизациа, заграждаютъ уста тѣмъ элементамъ, какими и теперь, и впоследствии она невыгодна, — или же самобманъ тѣхъ лицъ, которые думаютъ, что ходъ исторіи можетъ быть удержанъ ихъ благими личными намѣреніями.

Всякое явленіе, разъ сложившись, стремится упрочиться и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Нигдѣ еще власть, централизациа, — съ бюрократіей и арміей, безъ которыхъ она немислима, — не подняла рукъ на себя. Въ перемѣны, какія по этой части представляеть намъ исторія, даже исторія революцій, состоятъ въ томъ, что сохраненная, или новообразованная машина централизованной власти переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, напр., изъ рукъ короля въ руки какого нибудь комитета, потомъ въ руки диктатора и т. п. Въ Россіи же централизациа, даже революціонная, тѣмъ опаснѣе для дѣла свободы, что въ этой странѣ, при неразвитости массы, всего скорѣе можно опасаться диктатуры вполнѣ реакціонной, даже послѣ временнаго усиленія революціи прогрессивной. А потому въ Россіи всякаго рода прогрессисты, а особенно социалисты, должны бы стараться подорвать принципы власти и централизации и въ практикѣ, и въ теоріи и основывать все свои планы и дѣйствія и до, и во время, и послѣ переворота на

*) Предположенія о такой возможности принадлежатъ тоже къ числу политическихъ суетврій, которыя на этотъ разъ особенно распространены въ бюрократическихъ классахъ.

*) Желательному постепенности, — которое вовсе не исключаетъ ни энергіи, ни самоотверженія, — соответствовало бы и перенесеніе точки опоры политическаго и социального движенія въ Россіи съ чувства и вѣры на науку и расчетъ и съ «дѣтей» на «отцовъ».

пойдет. Конечно, теперь, пока революционное движение в России имеет только отрицательное значение, поляки (преимущественно молодежь) могут принимать участие во всяких готовых русских революционных кругах, но никогда ни польская интеллигенция, ни польская масса не откажется от автономии своей страны и при первом удобном случае поднимет ее знамя, — так что, если бы, напр., в Петербурге действительно образовалось временное правительство, которое обратилось бы к населению России с призывом прислать представителей в земский собор, то поляки, по всей вероятности, образовали бы свое временное правительство, а далее свой сейм в Варшаве *).

Что касается до Украины, то, так как ее независимость была подавлена еще в к. XVII в., и так как, вследствие этого, значительная часть ее интеллигенции, наряду со своей массой народа в этой стране, оторвалась от украинской национальности, то, конечно, овладевшую часть украинской интеллигенции не так трудно привлечь к всеобщей центральной централитической программе, — но только от этого привлечения всего меньше можно ожидать пользы для дела свободы в России. Все таки из всех т. наз. русских областей в России монархический идеал все-го слабее, а республиканский всего сильнее — на Украине; все таки в последнее время народные массы проявляют наиболее духа протеста именно в этой стране: и аграрными волнениями, и городскими движениями против полиции, и, наконец, против еврейскими беспорядками, которые теперь имеют дикий характер, но которые можно бы было направить и на более разумную дорогу. А столично-централистическая программа именно эту страну и лишает корня наиболее сознательных и организованных борцов за свободу! А так как всем известно, что именно украинская область дала громадный, даже абсолютно, а тем более относительно, процент членов всех русских революционных кругов и средств для них, — то выходит, что столично-централистическая программа революционной организации в России предлагает интеллигенции, вскормленной трудом населения Украины, не только продолжение несправедливого и во многих отношениях просто позорного перед историей разрыва с населением своей родины, — но и безплодную гибель в стране, которая гораздо более способна стать Вандеей, чем эта «окраина»!!

Мы считаем выселение известной части украинской интеллигенции в Великороссию

(через столицу) делом не только фатальным, с которым надо примириться, раз когда судьба связала Украину с московским государством, но даже полезным с общевосточной культурной точки зрения. Теперешнее участие украинских уроженцев в великорусских революционных кругах мы считаем явлением, аналогичным с переселением украинских духовных, учителей и писателей в Московию XVII—XVIII в. Великороссия, вследствие своего географического положения и истории (в том числе, благодаря московской централизации и разрозненности культурных пунктов, как Новгород и Псков, быть может, больше, чем даже татарским набегам) так отстала от европейского мира, что не могла бы скоро войти в его колею без помощи имплементной иммиграции, в которой украинцы играют роль наиболее родственного для великорусского элемента, который поэтому может скорее, чем более далекие иностранцы, ослабить московское православие и самодержавие и усилить кадры туземных прогрессистов **. Но слишком большая эмиграция ослабит силы страны, из которой она исходит, а тот моральный абсентизм, какой, особенно будучи поддержан правительственными обрусительными мерами, стал признаком украинских высших классов, — парализирует все усилия украинских масс к улучшению своего материального и правового положения **). Этому ненормальному состоянию Украины (которую мы в данном случае берем, как образец положения, в каком находится и многие другие области России: Литва, Белоруссия, Бессарабия, отчасти Закавказье) может быть положен конец только автономией страны, каковая автономия поставит здесь лицом к лицу массу народа и интеллигенцию и заставит последнюю служить первой. Централистическая программа «Народной Воли» вовсе не обещает такой автономии. Она не показывает даже в будущем ничего определенного, кроме всеобщего или, как говорит «Н. В.», «общерусского» земского собора, который займет место временного революционного правительства, после того, как оно само займет место нынешнего императорского правительства. Уже этот всеобщероссийский собор, — который, конечно, «Нар. Воля» считает вполне самодержавным (по крайней мере мы нигде не читали в исан-

*) Украинская иммиграция в Великороссию совершается, между прочим, через учебные заведения, искусственно сосредоточенные в столицах. Там украинская молодежь окончательно отбывает от своего края и народа. Почему же Украина дает очень большой процент учащейся молодежи, это объясняется между прочим присутствием в этой стране многочисленного мелкопоместного дворянства и других соответствующих ему слоев населения, которых нет в Великороссии. Заметьте, что простонародье украинское вовсе не эмигрирует в Великороссию, — кроме разве, и то в ничтожном количестве, на дальний юго-восток.

**) Мы позволим себе сослаться к нашим книгам, «Передняя Слово до Громады» и «Новий український гімн про громадські справи» (1761—1880), где, кому бы показала парадоксально мысль, что на Украине с XVIII в., когда ополченная и овладевшая интеллигенция почти поголовно отказалась служить массе народа, сама эта масса силится продолжать прогрессивную историю страны: крестьянскими восстаниями, эмиграцией, восстаниями против польских революций, аграрными волнениями, ибенью, повелюю, сатирю, итудю и т. д.

ях народных волеизъявлений на что либо, ограничивающее власть этого будущего государя России), — предоставить «отдельным народностям» (конечно, тем, какия этот собор признает за отдельными, или даже, по другому выражению «Н. В.», за «исторически сложившимися»), — предоставить «право определять свою политическую связь с целым (непрерывно с целым!) государством», — и сделать эту уступку «только тогда, когда будут установлены (конечно, все таки им, новым самодержцем всей России) общия основы нового строя» (которые опять таки ему, собору, угодно будет признать за таковыми), — иначе говоря, «отдельные народности» или, что все равно, разные области, ныне порабощенные все таки великорусскому государству и безконтрольно управляемы императорскою бюрократиею, получат автономию только тогда, когда это найдут нужным новый самодержавный властелин всех народов и областей России, и, конечно, получать только такую автономию, какую захочет отпустить им этот властелин.

Судя по всему, что делал на свете всевластный, коллективный, как и личные, — ожидать народам и областям России даже этого тогда пришлось бы долго.

Слова эти, — если бы теперешний русский самодержец, по собственной или инициативе, или уступая напору общественного мнения, согласился созвать хоть самый плохой земский собор, хотя бы из делегатов теперешних земств, — это был бы шаг вперед, который бы был принят радостно во всех областях России. Но и тогда первое дело этого собора должно бы быть установление неприкосновенности и свободы лиц, групп и национальностей, а также самоуправления областей, т. е. установление прав основных и для элементов реальных, — прав неприкосновенных и неотчуждаемых ни для кого и ни для чего, в том числе и для т. наз. целого государства, которое, сравнительно с этими элементами, есть фикция. Если же слышать наций и областей России надо будет лить свою кровь в революцию, то бы добиться представительного правления, то приобретение самодержавного всеобщероссийского земского собора, в котором гегемония непременно достанется великоруссам, особенно центральных областей, слишком малое вознаграждение за кровь для населения великорусских «окраин». Если уже добиваться революционных земских соборов, то окраинам этим всего естественно иметь свои, области и еоборы, которые уже от себя устанавливают «общия основания политического союза целого государства», если найдут это нужным. К тому же только прочное установление областной свободы, положив непереходимыя ограничения для центральной власти, может оградить и всю Россию от пост-революционной реакции и распространения на всю Россию диктатуры вандейской контр-революции, каковая, повторяем, скорее может организоваться в центральных областях московского государства, чем в менее монархических окраинах России.

*) После того, что мы говорили в статьях «Историческая Польша и Великорусская Демократия», мы считаем излишним останавливаться здесь на том, какия осложнения вызовет такой шаг польских автономистов, среди которых, конечно, окажется много сторонников «исторической» Польши, т. е. Польского государства с Литвой, Белоруссией и половиной Украины, и как может воспользоваться «историческими» польскими стремлениями социальная реакция в Польше и политическая в Москве, — а равно и на том, что единственное средство вынудить из всяческих затруднений и предупредить обр. реакции, состоит — в выработке для всего Востока Европы федерально-демократической программы, независимо от всяких «исторических» централизаций, польских и российских.

Впрочем, говоря это, мы собственно забываем, слишком далеко вперед, так как, вследствие указанных выше различий в истории разных областей России, самая идея о противу-монархической революции в ней гораздо легче найдется себе сочувствие именно в великорусских ее окраинах *). Какой же после этого смысл иметь столично-централистическая программа революционной организации, предлагаемая «Народною Волею»? И не гораздо ли более подходит к России федеральная система даже и в первый момент движения, тем более, что в таком случае будет гораздо больше шансов, что и в результате движения получится федерация же, которой в идеале пока еще не смѣют отрицать даже самые откровенные русские якобинцы?

Если заходить рѣчь о подготовительных организациях для произведенія в России политического переворота, то, по нашему мнѣнію, наиболее целесообразнымъ приступомъ къ нимъ было бы образованіе областныхъ революционныхъ комитетовъ, которые, конечно, должны войти въ союзъ между собою. По обстоятельствамъ дѣла, эти комитеты могутъ оказывать особенную помощь комитетамъ столичнымъ, но безъ всякихъ апріорныхъ уступокъ централистической программѣ ни до, ни во время, ни послѣ переворота. Если же, — какъ слѣдуетъ думать, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи произносятся имя «исполнительнаго комитета» или «комитета» «Народной Воли» — въ Россіи уже существуетъ организация, которая уже по фактическимъ условіямъ, хотя, напр., по отсутствію конкурентовъ и т. п., получила значеніе всероссійское **), — то наиболее целесообразнымъ было бы образованіе около этой организации все же областныхъ комитетовъ или, если хотите, субъ-комитетовъ, на первыхъ порахъ хотя бы только для мѣстныхъ, которыхъ оригинальности очевидно и которыя дали уже не мало членовъ и для русскихъ революционныхъ круговъ, — напр., образованіе комитетовъ для центральныхъ, низовыхъ и уральскихъ областей Великороссіи, для Польши, для Украины, для Кавказа. За тѣмъ не замедлили бы образоваться комитеты для Литвы, Бессарабіи, Бѣлороссіи, Остзейскихъ провинцій и т. п. Если бы эти комитеты на первыхъ порахъ и не сдѣлали ничего, кромѣ указанія мѣстныхъ условій и зацѣнокъ для пробужденія въ населеніи ихъ областей мысли о необходимости политическаго переворота, то и тогда они принесли бы огромную пользу. Но, конечно, на этомъ дѣло не остановилось бы.

Дальнѣйшій успѣхъ переворота зависѣлъ бы въ значительной степени отъ умѣнья и энергіи областныхъ комитетовъ, а дальнѣйшее согласіе этихъ комитетовъ между собою и съ комитетомъ центральнымъ, если бы таковой найденъ былъ нужнымъ, — зависѣло бы, главнымъ образомъ, отъ степени искренности признанія всѣми ими, въ томъ числѣ и комитетомъ централь-

нымъ, принципа равноправности всѣхъ народностей, историческихъ и неисторическихъ, а также принципа автономіи областей, — однимъ словомъ, принципа федеральнаго, — и отъ степени умѣнья центрального комитета различать солидарность, — вещь необходимую, — отъ централизаціи, — вещи излишней или даже прямо вредной.

М. Драгомановъ.

ДОКУМЕНТЫ,

ХАРАКТЕРИЗУЮЩІЕ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАСТЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ АДМИНИСТРАТИВНО-ССЫЛЬНЫХЪ.

I.

Въ Правительствующій Сенатъ Россійской Имперіи просьба Василія Сидорацкаго.

28 марта 1881 г. я получилъ требованіе отъ полиціи г. Кургана явиться къ присягѣ на вѣрнопопданство нынѣ царствующему въ Россіи Государю Императору Александру Александровичу. Требованіе это я нахожу противорѣчащимъ манифесту Государя Императора отъ 1 марта 1881 г., въ которомъ сказано, что крестьяне въ настоящее время призываются къ присягѣ на томъ основаніи, что они, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, получили «права свободныхъ сельскихъ обывателей съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія общихъ законовъ». Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ словамъ, я признаю разумнымъ не только ихъ, но и всѣ выводы, вытекающіе изъ нихъ. А прямой выводъ изъ нихъ таковъ: если бы крестьяне, а равно и не крестьяне, не были свободными обывателями и не находились подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ, то они и не призывались бы къ присягѣ. И такъ, повторяю еще разъ: Манифестъ призываетъ къ присягѣ только свободныхъ обывателей, находящихся подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ.

Теперь вопросъ, кто я такой? Свободный ли я обыватель?

Мой отецъ былъ потомственнымъ дворяниномъ въ Россійской Имперіи, моя мать была законной женой моего отца. На основаніи русскихъ законовъ я долженъ наслѣдовать дворянское званіе моего отца, а, значитъ, и права свободного обывателя. Главнѣйшія и существеннѣйшія права свободного обывателя состоятъ въ томъ, что: законъ гарантируетъ ему свободу, до тѣхъ поръ пока онъ не совершитъ тяжкаго преступленія, ограждаетъ святость его семейнаго союза и защищаетъ его имущество. Я лишенъ свободы, моя семья разрушена, имущество мое конфисковано III-мъ отдѣленіемъ *) и сверхъ того мнѣ воспрещено заниматься какими дозволенными закономъ работами, къ которымъ я спеціально приготовился. Я не имѣю права ни на шагъ удалиться изъ г. Кургана, меня спой уводятъ за 3000 верстъ отъ моей семьи и не позволяютъ даже писать

*) До сихъ поръ не обращено вниманія на то, что книги и рукописи, забираемыя при обыскахъ, — также имущество и иногда единственное имѣніе — имущество преслѣдуемаго за убѣжденія. Ред.

написать моей женѣ безъ предварительнаго просмотра его посторонними для меня людьми. Ясно, что я не могу считаться ни дворяниномъ, ни свободнымъ обывателемъ.

Моя крѣпостность въ Сибири наводитъ меня на вопросъ: не лишенный ли я всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенецъ? И я обращаюсь къ русскимъ законамъ, разсматриваю законоположенія относительно лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенцевъ и нахожу полное сходство ихняго положенія съ моимъ; въ одномъ только различіи: ссыльно-поселенцу оставлена надежда на постепенное пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ правъ, сначала права свободно двигаться по своей губерніи, а потомъ и по всей Сибири. Мнѣ этой надежды не оставлено, я прикрѣпленъ къ г. Кургану безъ срока. Ясно, что я не ссыльно-поселенецъ, тѣмъ болѣе, что это наказаніе налагается только судомъ и при томъ за совершенное преступленіе.

И такъ, меня нельзя причислить ни къ свободнымъ обывателямъ (высшая степень русскаго подданства), ни къ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенцамъ, (низшая степень русскаго подданства). Значитъ, я волею судьбы поставленъ внѣ русскаго подданства, т. е. я иностранецъ.

Да, я, должно быть, иностранецъ! и нечуждо иностранецъ! Русское государство не признало меня свободнымъ обывателемъ и не приравнило меня даже къ лишеннымъ всѣхъ правъ ссыльно-поселенцамъ оно отказалось, болѣе, чѣмъ отказалось, защищать мою свободу, семью и имущество. Но свободный ли я иностранецъ? Нѣтъ, не свободный. Будь я свободный иностранецъ, я имѣлъ бы право удалиться изъ Россіи и, надѣюсь, нашла бы цивилизованная страна, пожатуй, и не одна, которая признала бы меня своимъ честнымъ гражданиномъ. И этого права не имѣю. Значитъ, я военнопленныи иностранецъ. Но какой націи, гдѣ мое отечество, во время какой войны я взятъ въ плѣнъ, заключенъ ли миръ съ моимъ отечествомъ, и, если заключенъ, то почему, при обмѣнѣ пленныхъ, я не возвращенъ своимъ соотечественникамъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ у меня данныхъ. Но положеніе военнопленнаго крайне невыносимо. Пить лѣтъ я въ этомъ положеніи!....

Я всенепорочно прошу Русскій Правительствующій Сенатъ принять меня въ число русскихъ подданныхъ, т. е. объявить меня свободнымъ русскимъ обывателемъ, стоящимъ подъ охраною законовъ, тогда я, получая всѣ права свободного обывателя, съ охотою приму и всѣ обязанности его. Если же Правительствующій Сенатъ не согласенъ принять меня въ русское подданство, то не найдетъ ли онъ возможнымъ дозволить мнѣ удалиться изъ Россійской Имперіи для розысканія себя отечества?

По моему, государственная присяга есть наложеніе на себя нѣкоторыхъ обязательствъ вмѣстѣ съ принятіемъ нѣкоторыхъ правъ. Поэтому требованіе отъ меня присяги равносильно признанію меня свободнымъ обывателемъ страны. Вѣрно ли мое предположеніе? Отъ Правительствующаго Сената я жду рѣшенія этго вопроса. Если высшая законода-

*) Кромѣ ссылки на исторію и на этнографическіе матеріалы, сошлемся даже на корреспонденцію изъ Украины въ самой «Народной Волѣ» и «Черномъ Передѣлѣ» 1881 г.

**) О старомъ «исполнительномъ комитетѣ» 1878—1880 гг., впрочемъ, еще вопросъ, — можно ли назвать его столичнымъ, или даже русскимъ — великорусскимъ, — по составу и даже по мѣсту его дѣятельности.

тельная *) власть разъяснить мнѣ, что я ошибаюсь, что я долженъ взять на себя лишь одни обязанности русскаго подданнаго, не получая правъ его, то я, какъ военнопленный, и съ этимъ согласусь.

31 марта 1881 г.

Василій Сидорацкій.

Мой адресъ: Г. Курганъ, Тобольской губерніи.

II.

РЕЗОЛЮЦІЯ СЕНАТА

1881 г. іюня 7 дня.

Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи сего прошенія приказали: Какъ означенное прошеніе написано безъ высочайшаго титула и безъ формы, приложенной къ 205 ст. 2 ч. X т. Св. Зак. изд. 1876, то, оставя таковое безъ разсмотрѣнія, возвратитъ просителю, на основаніи 225 ст. того же тома и части, съ надписью. О чемъ, для надлежащаго исполненія, съ возвращеніемъ прошенія, Тобольскому Губернскому Правленію послать указъ.

Сентября 16 дня 1881 г.

И. д. оберъ секретаря Н. Бру....

За помощника оберъ секретаря

Баронъ Буксегвентъ.

Примѣчаніе. Многіе изъ политическихъ ссыльных отказались присягать новому императору, а иныхъ за это сослали въ болѣе отдаленныя мѣста сравнительно съ прежнимъ мѣстомъ ихъ ссылки. Усердіе некоторыхъ исправниковъ доходило до того, что они требовали присяги отъ полит. ссыльныхъ-женщинъ. Какъ известно, обыкновенныя обывательницы не приглашались къ присягѣ. К. К. Р.

III.

Его Превосходительству
Господину Начальнику Губерніи.

ПРОШЕНІЕ

Василія Сидорацкаго своимъ званіемъ изъ дворянъ, «права которыхъ—согласно высочайшей волѣ, по словамъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ—останутся въ полной неприкосновенности».

Во время своихъ частыхъ въ сопровожденіи жандармовъ странствованій, устроенныхъ въ видахъ государственной пользы для личнаго удовольствія жандармскихъ шефовъ,—я приобрѣлъ страсть къ путешествіямъ и къ изученію фактовъ, происходившихъ внѣ моей комнаты.

Имѣю, но никому неизвѣстной причинѣ, потерявъ всѣ «неприкосновенныя» права дворянина, а въ томъ числѣ и право выходить за городъ, я захотѣлъ удовлетворить своей научной страсти: знать, что дѣлается въ остальныхъ мѣстахъ земнаго шара, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь не есть непрерывное созерцаніе беззаконнаго посяганія надъ правами личности.

Съ этой цѣлью я, затративъ весь накопленный въ теченіи двадцатисемилѣтней моей безправной жизни капиталъ, написалъ нѣсколько открытыхъ писемъ, въ конхъ требовалъ отъ редакцій чужеземныхъ газетъ присылки одного номера ихняго періодическаго изданія.

Эти номера мнѣ нужны, кромѣ того, какъ матеріалъ для изученія современнаго состоянія культуры земнаго шара, о чемъ я «въ

болѣе отдаленномъ будущемъ», по возвращеніи мнѣ «неприкосновеннаго» права работать для науки и не бояться отнятія научныхъ рукописей, мечталъ писать сочиненіе.

Въ виду того, что мои научныя занятія никогда никому никакой пользы не приносили, я разсчитывалъ со стороны дирижирующаго класса Россійской имперіи не только пренятствій къ онымъ не встрѣтить, но даже поддержку найти.

Я думалъ, что письма эти послѣ надлежащей цензуры будутъ вручены почтѣ. Но надежды мои были тщетны, и потому я рѣшаюсь безпечно Ваше Превосходительство всепокорнѣйшей просьбой о возвращеніи мнѣ не отправленныхъ писемъ.

Онѣ представляютъ собой мою собственность, право на владѣніе которою я желалъ бы отстоять.

За невозможностью утилизировать эту собственность для научныхъ надобностей и въ силу запрещенія заниматься какой бы то ни было осмысленной работой, я займусь безцѣльнымъ постростеніемъ картонныхъ домиковъ.

По счастливой для меня случайности бумага открытыхъ писемъ вполне годна для такого временнорожденія, предаться которому я тороплюсь, пока, слава богу, не наложено на него дирижирующее veto. Россійская имперія.

1881 г. по Р. Хр.

Василій Петровичъ Сидорацкій.

Примѣчаніе. Отвѣтомъ на это прошеніе была отправка по назначенію упомянутыхъ въ прошеніи писемъ, которыя до того мѣсяца два валялись въ канцеляріи. К. К. Р.

ПЕРЕДЪ КОРОНАЦІЕЙ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Всѣ заботы и помышленія нашихъ правителей и общественныхъ круговъ, дѣлящихъ съ ними выгоды и опасности управленія Россіей, сосредоточены въ настоящую минуту на приготовленіи къ коронаціи и на гаданіи о ея вѣроятномъ ходѣ и послѣдствіяхъ.

Коронація — самый торжественный моментъ каждаго царствованія, важнѣйшій государственный актъ въ монархической формѣ правленія; ею освящается союзъ династій съ народомъ и ея формы напоминаютъ о договорѣ, лежавшемъ въ основаніи монархическаго, какъ и всякаго другаго, государственнаго строя: государь приноситъ клятву въ вѣрности законамъ страны (въ Россіи одному закону о престолонаслѣдіи), народъ же своимъ присутствіемъ и своими возгласами — все что осталось ему отъ прежняго права избранія — заявляетъ, что признаетъ коронуемаго своимъ государемъ. Поэтому только коронація сообщаетъ монарху, а особенно самодержцу, характеръ вполнѣ законнаго государя и только по совершеніи оной начинается собственно его царствованіе.

Эти традиціонныя понятія и чувства распространены у насъ не въ одномъ высшемъ правительственномъ слоѣ, но и въ среднихъ слояхъ общества и даже въ самомъ народѣ, и ими объясняется важность, которую всегда

придавали и теперь придаютъ коронаціи. Но между прежде и теперь существуетъ громадное различіе: прежде на коронаціи проявлялись пышность и могущество, величіе и милосердіе царей, которые, усладивъ жителей бывшей столицы необыкновеннымъ зрѣлищемъ, осыпали ихъ, какъ и народъ вообще, своими «милостями», т. е. освобождали отъ рекрутскаго набора, если онъ былъ пенуженъ, прощали недомысли податей, которыя возмѣщались впоследствии наложеніемъ новыхъ, и облегчали участь преступниковъ, особенно не политическихъ.

Теперь проявленіе пышности, все еще возможное, такъ какъ употребленіе взимаемыхъ съ народа налоговъ не подлежитъ ничьему контролю, кромѣ самого правительства, — было бы только горькою насмѣшкой надъ всеобщей бѣдностью платящихъ эти налоги. Точно также и зрѣлище могущества и величія въ настоящее время никого не могло бы ввести въ заблужденіе: всякій знаетъ бы, что это только зрѣлище, что за нимъ скрывается слабость и безсиліе. Но всего труднѣе было бы теперь проявить милосердіе, — не потому, конечно, чтобы не было кого миловать: тюрьмы переполнены, по всѣмъ дорогамъ въ Сибирь, въ отдаленныя и не совсѣмъ отдаленныя мѣстности европейской Россіи тиснутъ конвои ссылаемыхъ, въ столицахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, рядомъ съ обыкновеннымъ населеніемъ, живетъ особый классъ поднадзорныхъ*), наконецъ, цѣлые края, весь югъ Россіи, подвержены дѣйствію исключительныхъ положеній разныхъ «охранъ», да и остальные ничѣмъ не защищены отъ произвола обыкновеннаго, усиленнаго и чрезвычайнаго. Возвратить всѣхъ ссыльныхъ, снять стѣшеніе съ поднадзорныхъ, не вознаградивъ ихъ за понесенныя ими потери и страданія, прерванныя житейскія карьеры, разбитыя и надломленныя существованія, — врядъ ли было бы достаточнымъ или даже соответствующимъ государственному интересу. Десятки тысячъ лицъ, крѣпко убѣжденныхъ въ своей невинности и дѣйствительно болѣею частью страдавшихъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, прожившихъ болѣе или менѣе долгое время, въ которомъ мѣсяцы казались имъ годами, въ исключительномъ, обособленномъ положеніи, не въ состояніи даже и при прекращеніи всякихъ стѣсненій, вдругъ найти себѣ занятія и слиться съ массою населенія. Къ тому же имъ, какъ и всему народу (эта мысль была превосходно развита въ одной изъ передовыхъ статей «В. С.»), необходимо обезпеченіе ихъ безопасности, пуща гарантія, что ихъ не сошлютъ и не отдадутъ подъ надзоръ на другой день возвращенія: иначе они должны будутъ заняться однимъ: доставленіемъ

*) Слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ извѣстныхъ категорій лицъ, находящихся подъ надзоромъ: 1) негласнымъ, 2) въ силу судебного приговора, 3) учрежденномъ на основаніи прежнихъ положеній и 4) на основаніи высоч. повел. 16 посл. апрѣля, — имѣются еще категоріи лицъ, находящихся подъ надзоромъ, противъ которыхъ не существуетъ ни обвиненій, ни подозрѣній и которые считаются даже «благонамѣренными», но все таки стѣсняются въ ихъ образѣ жизни и движеній.

*) Здѣсь очевидная описка: вѣроятно, слѣдуетъ читать законноисполнительная. Ред.

себѣ и другимъ этой безопасности революціоннымъ путемъ.

Недостаточнымъ было бы и снятіе охранъ, прекращеніе исключительнаго положенія различныхъ классовъ, если не будетъ прекращена возможность положенія новыхъ охранъ, не будетъ положенъ конецъ полицейскому и чиновничьему произволу вообще; до сихъ поръ заботились только объ охранѣ власти отъ народа, пора подумать и объ охранѣ народа отъ грабителей его и помыкающихъ имъ правителей, своего неумѣлостью доведшихъ народъ до раззоренія, а государство до края гибели.

Не милости царя отдѣльнымъ лицамъ или категоріямъ лицъ могутъ поправить настоящее положеніе Россіи и сдѣлать коронацію народнымъ торжествомъ, а раскрѣпощеніе всѣхъ общественныхъ классовъ, всего народа и уничтоженіе всякаго полицейскаго, административнаго, министерскаго и наконецъ царскаго произвола.

Пишущаго эти строки не рѣдко занималъ вопросъ: отдадутъ ли себѣ отчетъ въ настоящемъ положеніи круги, имѣющіе влияние на рѣшенія главы государства, и лица, составляющія его ближайшій entourage? Какими идеями они руководствуются въ борьбѣ за существованіе не только русскаго самодержавія, но и русскаго государства вообще? способны ли они, наконецъ, сознать необходимость самоограниченія, хотя бы въ видахъ собственной безопасности и личныхъ выгодъ?

Старинныя отношенія, не имѣющія ничего общаго съ политикою, заставили меня въ послѣднее время встрѣтиться вновь съ людьми, правда, ею не занимающимися, но имѣющими входъ въ круги, о которыхъ я говорилъ выше, и хорошо извѣщенными о всемъ, что въ нихъ происходитъ. Я откровенно сообщилъ имъ заинтересовавшие меня вопросы, и они, я убѣжденъ, искренно подѣлились со мною собственными впечатлѣніями, подтвержденіе которыхъ я видѣлъ въ извѣстныхъ мнѣ фактахъ.

Ближайшій entourage, личные друзья имѣннаго царя — люди, большею частію полные качества, дѣлающихъ пріятными личныя отношенія съ ними, но совершенно не могущіе, по отсутствію систематическаго образованія и административныхъ способностей, быть содѣйствіемъ въ государственныхъ дѣлахъ, а всего менѣе указывать на новый, не согласный съ традиціями путь. Роль теоретиковъ настоящаго царствованія выпала, поэтому, на долю 2—3 лицамъ, идейный запасъ которыхъ направляетъ, если не ходъ администраціи, то, по крайней мѣрѣ, главныя правительственныя рѣшенія. Идеи, которыя постоянно развиваютъ эти теоретики съ настоячивостію старыхъ педагоговъ и которыя принимаются на вѣру царскимъ антуражемъ культивируютъ въ политикѣ о силѣ и благочестіи въ правительствѣ. Нельзя не остановиться на этомъ понятіи, потому что въ немъ содержится программа не того или другаго министерства, а цѣлой правительственной системы, на сколько она проявилась въ актахъ настоящаго царствованія.

Идея благочестія, на сколько она предпочла подчиненіе личнаго эгоизма высше-

му правительственному принципу, — заслуживаетъ полнаго уваженія. Опытъ всемірной исторіи показываетъ, однако, что итътъ пачала, примѣненіе котораго было бы труднѣе согласить съ государственною пользою, какъ именно пачало благочестія. За благочестіе принимается обыкновенно слѣдованіе догматамъ одной какой нибудь церкви, которую благочестивые правители считаютъ обязанностию поддерживать и распространять на счетъ другихъ вѣроисповѣданій. Отсюда вытекаютъ несправедливости, утѣшенія, преслѣдованія иначе вѣрующіхъ, ведущія иногда къ междоусобной войнѣ и иностранному вмѣшательству. — Станнымъ кажется повторять эти признанныя всѣми просвѣщенными людьми нашего времени истины; по непризнанію ихъ въ нашихъ высшихъ сферахъ составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ нашего положенія. Духъ религіозной нетерпимости, которымъ проникнуты именно вліятельнѣйшіе изъ членовъ правительства и царскихъ окружающихъ, — вотъ чуть ли не главное препятствіе правильному рѣшенію стоящихъ на очереди вопросовъ; онъ задерживаетъ возвращеніе гражданскихъ и человѣческихъ правъ лучшей части великорусскаго народа — такъ называемыхъ раскольниковъ; онъ вліяетъ и на дѣйствія правительства относительно евреевъ. Наконецъ, смѣшеніе религіи съ политикой ведетъ къ приданію священнаго характера цѣлой системѣ, основанной на преданіяхъ, которую именно требуется измѣнить, и дѣлаетъ почти невозможнымъ отказъ отъ личнаго полновластія.

Приверженцы «сильнаго» правительства выставляютъ свѣтскіе и болѣе практическіе аргументы. — Начатые преобразованія — говорятъ они — могутъ быть доведены до конца только сильною рукою; при теперешней дезорганизациі управленія и общества, въ виду возбужденныхъ страстей народа, было бы опасно выпускать власть изъ рукъ, опасно не для одного только правительства, но и для образованнаго общества, которое только сильною властью можетъ быть защищено отъ разрушительныхъ стремленій массъ, и для самого народа, который нуждается въ сильномъ правительствѣ для обезпеченія отъ эксплуатаціи зачинающагося въ Россіи капитализма; всего менѣе, — восклицаютъ они, — можно разредоточивать власть въ виду опасности грозящей извнѣ; это значило бы разоружить страну и облегчить замыслы нашихъ враговъ.

Должно сознаться, что идея сильнаго правительства находитъ приверженцевъ не въ однихъ только правительственныхъ кругахъ, но и въ чиновнически-либеральныхъ и даже въ кругахъ революціонныхъ. Каждой партіи, кромѣ развѣ искреннихъ приверженцевъ децентрализаціи и самоуправленія, желательно было бы видѣть диктатуру, направленную въ интересъ общаго блага, — такъ, какъ его понимаетъ данная партія. Прошлая русская исторія и вліяніе французской (которую только теперь начинаютъ понимать у насъ) слишкомъ укоренили въ насъ всѣхъ мысль, что сильная власть могла бы все поправить, все сдѣлать.

При этомъ, однако, забывается одно обсто-

ятельство. Что бы быть сильнымъ, правительству не достаточно имѣть неограниченную власть — иначе и настоящее правительство было бы сильнымъ, — нужно имѣть и людей сильныхъ, не по мѣсту или положенію, а умомъ и волею; безъ этихъ людей всякое правительство будетъ слабымъ. Еслибъ современная Россія произвела такихъ людей, они непременно выплыли бы наружу, а ихъ отсутствіе указываетъ на ихъ необходимость, на непримѣнимость къ настоящему положенію диктатуры сильныхъ или великихъ людей. Такихъ людей всего и было въ русской исторіи что одинъ Петръ, да и тотъ, во всемъ благу имъ сдѣланномъ, былъ представителемъ стремленій своего времени и своей страны, которая, повидимому, нуждалась тогда въ такомъ правителѣ. Но думать о петровской власти, — результаты дѣйствія которой считаются стать гибельными пылѣвшими правителями, для этихъ послѣднихъ было бы такъ же подѣ стать, какъ латы Ахилла — Терситу.

По необходимости слѣдуетъ искать силы правительству въ соитѣ и соединеніи съ народомъ, т. е. со всею націею. Вотъ единственное сильное правительство, возможное въ настоящее время въ Россіи, и никакое правительство не будетъ сильно, пока оно не пойметъ и не исполнитъ этого.

Я былъ не мало удивленъ, когда, изъ бесѣды съ упомянутыми мною лицами, узналъ, что именно графу Игнатьеву тѣ изъ государственныхъ дѣятелей, которые способствовали или рукоплескали его возвышенію, приписывали способность мало по малу привести главу государства къ сознанію этой истины. — «Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ ошибку, сразу представивъ всѣ послѣдствія предлагаемыхъ имъ мѣръ; Игнатьевъ же съумѣетъ постепенно и незаметно побудить императора отказаться отъ неограниченной власти», — вотъ что говорилъ объ Игнатьевѣ одинъ изъ членовъ правительства, который, казалось, зналъ его наилучше. Въ настоящее время и онъ, какъ и всѣ другіе правительственные дѣятели и общественные, вполне разочаровался въ нашемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Трудно было бы передать всѣ поводы къ неудовольствію, всѣ взводимыя обвиненія на него, и также трудно проверить ихъ основательность, но уже самая ихъ общность — симптомъ положенія. Чтобы не повторять того, что вамъ уже извѣстно, упомяну только о двухъ фактахъ — о вмѣшательствѣ гр. Игнатьева въ иностранную политику и о поведеніи его въ еврейскомъ вопросѣ.

Теперь уже считается доказаннымъ, что, вступая официально въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатьевъ намѣревался негласно управлять дѣлами вышними. Подробности объ этой сторонѣ его дѣятельности рассказывать еще неудобно, но нельзя и не слѣдуетъ скрывать болѣе истину о «скобелевской миссіи». Этотъ храбрый генералъ, по совершенно неспособный политикъ былъ побужденъ Игнатьевымъ предпринять поѣздку въ западную Европу съ тѣмъ, чтобы возбудить въ пользу югославянъ и противъ Австріи общественное мнѣніе и кабинеты другихъ

державъ. Скобелевъ понялъ свою миссию по своему и повелъ атаку, какъ на Плевну; такія атаки въ дипломатіи уже рѣшительно никуда не годятся, и дипломатъ - повичекъ, который очевидно никогда не будетъ мастеромъ, только сдѣлалъ себя общимъ помѣшникомъ, повредилъ дѣлу, которому хотѣлъ служить, и скомпрометировалъ свое правительство. Все время онъ думалъ, однако, что дѣйствуетъ по выраженному ему чрезъ гр. Игнатѣва желанію высшей власти, и не могъ понять, за что имъ недовольны. Скобелеву все таки осталась репутация вонна-рубачи, но Игнатѣвъ потерялъ чрезъ это даже репутацию ловкаго и искуснаго интригана.

Въ еврейскомъ вопросѣ поведеніе министра имѣло еще худшія послѣдствія. Ему приписываютъ, по полученіи извѣстій о первыхъ еврейскихъ побойкахъ, слова, которыми не хотѣлось бы вѣрить: «а! мои молодцы расправили себѣ руки!» Говорятъ, что эти и имъ подобныя выраженія, сдѣланныя извѣстными между его подчиненными, были главною причиною равнодушія властей къ печальнымъ событіямъ во всей Россіи. Не говоря уже о юридическихъ и правительственныхъ соображеніяхъ, которые очевидны, можно утверждать, что финансовыя и экономическія потери русскаго государства и, слѣдовательно, русскіхъ налогоплательщиковъ податей, всего русскаго народа — громады: онѣ въ нѣсколько разъ превосходятъ цифру турецкой контрибуціи, только что выговоренной (ничто не говоритъ, однако, что она будетъ уплачена) нашей дипломатіей и которой послѣднія такъ гордится. Занека московскаго купечества убѣдительно излагаетъ вредъ, нанесенный дѣйствіями противъ евреевъ, и промышленности, и торговлѣ экономическаго центра Россіи; она умалчиваетъ о вредѣ, нанесенномъ всѣмъ русскимъ цѣнностей и бумагамъ домашними и заграничными еврейскими банкирами въ отпущеніе за преслѣдованіе ихъ единовѣрцевъ и какъ средство давленія на правительство. Еврейскіе капиталисты всей Европы вступили въ союзъ съ германскими, которые, дѣйствуя въ видахъ своего правительства, стремятся подорвать совершенно кредитъ Россіи и отнять у нея матеріальныя средства противудѣйствія планамъ Германіи и Австріи.

Съ другой стороны, самоуправство народныхъ массъ относительно евреевъ ведетъ въ столь возбужденныхъ уже населеніяхъ нашего юга къ самоуправству вообще. «Расправивъ себѣ руки» на евреевъ, народъ начинаетъ думать о томъ, чтобы расправиться еще болѣе на попахъ и напахъ, а потомъ и чиновникахъ. Въ то время, какъ всѣ усилія администраціи устремлены на борьбу съ «красолою», съ социально-революціонной агитаціей и т. д. — социальный или, лучше, аграрный вопросъ становится независимъ отъ всякой агитаціи, а самою сплюснutoй вещью.

Аграрное движеніе повсюду въ Россіи, гдѣ оно является въ практической формѣ, тѣсно соединено съ движеніемъ національнымъ. По послѣднимъ полученнымъ въ С.-Петербур. извѣстіямъ, волненія въ правобережной Украинѣ, въ Бѣлороссіи и Литвѣ

грозятъ еще болѣею опасностію, чѣмъ въ Малороссіи на лѣвомъ берегу Днѣпра или въ Новороссіи, вслѣдствіе соединенія ихъ съ антипольскимъ движеніемъ массъ; а тоже слышно и изъ Прибалтійскаго края объ антинѣмецкомъ движеніи. Изъ совершенно вѣрнаго частнаго источника, я узнаю, что и въ Царствѣ Польскомъ движеніе противъ евреевъ начинается переходить въ движеніе противъ нѣмцевъ. Во многихъ селахъ, соединенныхъ съ нѣмецкими колоніями, въ Польшѣ и Новороссіи, крестьяне собираются на совѣщанія, какъ имъ дѣйствовать относительно колонистовъ — пригласить ли ихъ удалиться добровольно, передавъ крестьянамъ свои земли и усадьбы, или выгнать ихъ силою. На дняхъ, въ одномъ селѣ, крестьяне, находившіеся въ исключительно хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ бывшимъ помѣщикомъ, пришли спрашивать его: чью сторону онъ будетъ держать, и не пойдетъ ли онъ съ ними противъ нѣмцевъ. Помѣщикъ, нѣсколько испуганный сообщеніемъ крестьянъ, обѣщалъ имъ все, что угодно, но просилъ отложить нападеніе, чтобы и онъ могъ приготовиться и вооружиться. Конечно, вмѣсто того, онъ далъ знать властямъ, и было прислано войско, разбѣжавшее и наказавшее собравшихся было крестьянъ.

Поступокъ помѣщика вызвалъ большое негодованіе крестьянъ, которые теперь утверждаютъ, что наны очевидно заодно съ жидами и нѣмцами. Много помѣщиковъ уѣзжаетъ изъ Польши въ города сѣверной Германіи и даже въ Петербургъ, гдѣ они считаютъ себя болѣе безопасными. Такая же эмиграція землевладѣльцевъ въ города замѣчается и во внутренней Россіи.

Въ другой разъ я намѣренъ вамъ сообщить нѣсколько очень замѣчательныхъ явленій простонароднаго движенія, не имѣющаго ничего общаго съ агитаціями или стремленіями революціонныхъ партій, лишенныхъ на него всякаго вліянія, но движенія несравненно болѣе грознаго для всего существующаго строя, нежели всевозможныя предпріятія противъ отдѣльныхъ лицъ.

Знаніе этихъ фактовъ дѣлаетъ неудивительнымъ, что правительство думаетъ отложить коронацію до слѣдующаго года. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ — стоить ли оно передъ коронаціей или передъ революціей?

Б. Д.

БРОЖЕНИЕ ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ МАССѢ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КРОВАВЫХЪ СОБЫТІЙ ПОСЛѣДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Въ прошломъ письмѣ я коснулся только одного момента новыхъ броженій въ средѣ евреевъ въ Россіи, но момента крайне знаменательнаго, такъ какъ этимъ моментомъ начинается новая эра въ этой средѣ, эра сближенія интеллигентной молодежи со своимъ народомъ. Теперь я постараюсь очертить болѣе обстоятельно это новое движеніе, при чемъ захвачу болѣе обширный кругъ и отмѣчу не только положительныя, но и отрицательныя стороны движенія. Конечно, я не имѣю никакихъ притязаній вполне исчерпать предметъ. Да это теперь ни для

кого и не возможно. Ибо пока можно отмѣтить только то, что уже стало существующимъ фактомъ, что выражается въ видѣ опредѣленныхъ стремленій или осуществленій этихъ стремленій. Дѣйствительное же вліяніе «безпорядковъ» (хороши «безпорядки», послѣ которыхъ цѣлыя города оказываются разрушенными, десятки убитыхъ и сотни изувѣченныхъ!) обнаружилъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Глубокое несчастіе, переживаемое народомъ, не тотчасъ же даетъ свои результаты. Народъ на первыхъ порахъ упорно молчитъ, мотаетъ на усъ и думаетъ. И много лѣтъ пройдетъ, пока наэріется эта дума народная. Но помимо всего, несчастіе не только не кончено, а, какъ видно, принимаетъ все болѣе и болѣе страшныя размѣры. Другаго и нечего было ожидать послѣ тѣхъ восторговъ, которыми встрѣчены въ русскомъ обществѣ грабители и убійцы.... *).

Роковая минута опасности создастъ великихъ героевъ и подлыхъ измѣнниковъ, отчаянныхъ защитниковъ и гнусныхъ перебѣжчиковъ, благородные подвиги и грязныя личныя инстинкты. Къ чести еврейской массы надо сказать, что благородныхъ подвиговъ и стремленій обнаружилось не мало въ послѣднее время въ ея средѣ, но примѣровъ отступничества и перебѣганія въ чужой, болѣе безопасный лагерь совсѣмъ не было. Была, правда, одна попытка получить вожделѣнные права посредствомъ уступокъ и компромиссовъ, довольно таки гаденькихъ. Но эта попытка рѣшительно не принадлежала массѣ, которая очень мало заботится о «равноправіи», кромѣ развѣ права повсемѣтнаго жительства. Я намекаю на «братьевъ-библейцевъ» и «новаго Израиля», которые встрѣтили повсюду вполне заслуженное ими презрѣніе у всѣхъ почти евреевъ и уже давно преданы забвенію. Но въ виду того, что эти именно новоявленные секты почему то встрѣтили симпатію въ русскомъ обществѣ (непріятель всегда принимаетъ перебѣжниковъ съ распростертыми объятіями), я о нихъ поговорю въ слѣдующій разъ. **) Теперь же поговорю о стремленіяхъ еврейской массы къ производственному труду, преимущественно къ землѣдѣлію, стремленіяхъ, которая въ сильной степени волнуетъ эту массу и которая начинаютъ осуществляться самими же массами, безъ чьей бы то ни было помощи. Для болѣе наглядности расскажу исторію одного еврейскаго земледѣльческаго общества.

Въ маленькомъ городкѣ О., отстоящемъ верстъ на сто отъ Одессы, жилъ мусульманинъ, человѣкъ лѣтъ 35. Преподавалъ онъ еврейскимъ дѣтямъ Талмудъ и Библию. Какъ

*) Авторъ забываетъ, что вообще «противоеврейскіе безпорядки» вызвали различное къ себѣ отношеніе въ «русскомъ обществѣ», — «грабители же и убійцы» встрѣчены были далеко не съ восторгомъ. Ред.

**) Очень интересно будетъ узнать мотивы, по которымъ г. М. такъ строго судитъ двѣ названныя еврейскія ассоціаціи. Въ русскихъ обществахъ онѣ встрѣтили къ себѣ сочувствіе за свои манифесты, въ которыхъ выражалась мысль, оулавливающая и г. М.: мысль о реформѣ жизни еврейской массы посредствомъ обращенія ея къ прямо производительному труду. Ред.

глубокий знатокъ своего предмета и при томъ по своей натурѣ крайне симпатичный, онъ былъ очень любимъ всѣми, пользовался большимъ уваженіемъ и очень выгоднымъ матеріальнымъ положеніемъ. Никакихъ другихъ языковъ, кромѣ древне еврейскаго, онъ не зналъ; не умѣлъ даже читать по русски. Но, вчитываясь постоянно въ библію, особенно въ пророковъ Исая и Іеремію, онъ пришелъ къ заключенію, что въ мірѣ все не такъ дѣлается, какъ должно бы. Онъ думалъ о томъ, какъ прекрасно было бы, если бы всѣ на свѣтѣ люди жили въ мирѣ, согласіи, а, главное, по правдѣ, по той правдѣ, о которой такъ увлекательно, въ такой чудной поэтической формѣ говорятъ пророки, особенно боготворимые Исая и Іеремія. Вотъ какъ онъ рассказывалъ мнѣ при мѣрѣ своего постепеннаго перерожденія. «Сию я въ синагогѣ, въ день Іомъ-Кипура (праздникъ очищенія и прощенія), во время чтенія Торы (свитка). Читаетъ 58 главу изъ Исая. Обыкновенно я какъ то машинально слѣжу за чтеніемъ; но на этотъ разъ я внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ, смыслъ которыхъ начиналъ меня поражать тѣмъ болѣе, что я только наканунѣ думалъ о томъ же. — «Не ужъ-то, думалъ я, Богу можетъ быть угодно, чтобъ человѣкъ мучилъ себя постомъ?» *) И вдругъ читаю у Исая: «Развѣ таковъ долженъ быть день поста, который я избралъ, этотъ день, въ который человѣкъ принижаетъ себя страданіемъ, опускаетъ голову въ изнеможеніи, словно согнувшаяся вѣтвь, надѣваетъ на себя мѣшокъ съ пепломъ? Этотъ то день вы называете днемъ поста, днемъ угоднымъ Богу! Вотъ день, который избралъ я: разорви узы злобы, разбей оковы рабства, дай свободу всѣмъ притѣсненнымъ, свергни всякое иго. Отломай кусокъ изъ своего хлѣба голодному, пріюти въ своемъ домѣ всѣхъ несчастныхъ, всѣхъ безпріютныхъ скитальцевъ. Когда ты увидишь голаго, прикрой его, и не удаляйся никогда отъ своего ближняго! Тогда заблеститъ твой свѣтъ, какъ свѣтъ утренней зари, и разсвѣтетъ для тебя утѣшеніе; и правда, и Господь станутъ твоей путеводною звѣздой.» Эти замѣчательныя слова великаго пророка произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что я нѣсколько дней сряду не могъ ихъ забыть ни днемъ, ни ночью, и все о нихъ думалъ. Мнѣ стало больно, что столько людей такъ ревностно дѣлаютъ то, что совершенно не нужно, и рѣдко дѣлаютъ то, что необходимо, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ближняго. Съ тѣхъ поръ я сталъ особенно чутко слѣдить, какъ за собой, такъ и вообще за поступками людей.... Такими то и другими подобными размышленіями, нашъ меламедъ дошелъ до заключенія, что люди много дѣлаютъ только потому, что они по привычкѣ не обращаютъ вниманія на свои поступки, и что самое лучшее, что можно дѣлать для людей — это обращать ихъ вниманіе на каждый ихъ шагъ и въ ясной формѣ показать ложность или вредность его.

*) День Іомъ-Кипура — день поста.

Больше же всего онъ слѣдилъ за собой и, какъ только, что нибудь казалось ему несогласнымъ съ справедливостью или съ здравымъ смысломъ, онъ это уже ни за что не дѣлалъ. Затѣмъ онъ уже дошелъ до убѣжденія, что брать деньги за обученіе дѣтей то же, что брать деньги за солнечный свѣтъ. Но, такъ какъ ему въ концѣ концовъ приходилось бы умирать съ голоду, то онъ рѣшился научиться ремеслу, что немедленно и привелъ въ исполненіе. Будучи слабъ физически, онъ избралъ ремесло бриллианщика. Поѣхалъ онъ въ Одессу и помѣстился ученикомъ. Бриллианщикъ, къ которому онъ попалъ, былъ человѣкъ крайне грубый и жадный къ деньгамъ. Тяжело жилось у него всѣмъ рабочимъ и ученикамъ, которыхъ онъ имѣлъ нѣсколько. Новый ученикъ началъ приводить въ исполненіе свою теорію относительно исправленія людей. Черезъ полгода мастерская бриллианщика обратилась въ маленькое братство, гдѣ царствовали дружба, любовь и равенство. Мало того, подъ влияніемъ этого же меламеда, хозяинъ вмѣстѣ съ мастерскими пришелъ къ заключенію, что ремесло бриллианщика никому не полезно, что имъ нельзя служить людямъ, а потому его надо перемѣнить на болѣе полезное, болѣе нужное ремесло. Хозяинъ бриллианщикъ, какъ и всякій прозелитъ, не только самъ страстно предался идеѣ о безполезности своего ремесла, но и сталъ съ горькою пропагандировать между своими знакомыми. Всѣ удивлялись и не могли понять этой дивной перемѣны въ душѣ бриллианщика. Его мастерская стала самымъ приятнымъ мѣстомъ для всѣхъ лучшихъ людей его среды. Тамъ проводили они время въ бесѣдахъ о томъ, какъ слѣдуетъ жить людямъ, чтобы не обижать другъ друга, чтобы не было хозяина и слуги, чтобы всѣ были равны между собой. И, видя почти осуществленіе любимой мечты въ сказанной мастерской, всѣмъ казалось, что нѣтъ ничего проще и легче, какъ устроить именно такую жизнь. М. (такъ звали меламеда), какъ виновникъ всѣхъ этихъ вновь зародившихся мечтаній, пользовался самой сильной любовью и благоговѣніемъ всего этого маленькаго общества; каждое его слово было для нихъ закономъ. Наконецъ М. задумалъ образовать земледѣльческую колонію, но съ непремѣннымъ условіемъ присоединить къ этой колоніи и русскихъ, «для того, чтобы можно было видѣть, что не только люди одной націи, но и различныхъ націй могутъ жить въ мирѣ и согласіи между собой на основаніяхъ полнаго равенства». Гринули «безпорядки», и вся масса, какъ одинъ человѣкъ, заговорила объ эмиграціи. Посредствомъ эмиграціи масса хотѣла скорѣе протестовать противъ вандализма (такъ какъ это была единственно возможная форма протеста), чѣмъ искать себѣ спасенія. «Дальше, дальше отъ этой страны, въ которой такъ безчеловѣчно топчутъ насъ, отнимаютъ элементарныя права, которыхъ въ цивилизованной странѣ не лишаютъ и животныхъ», — кричали всѣ въ одинъ голосъ. «Я хотѣлъ было удерживать всѣхъ своихъ отъ эмиграціи», говорилъ мнѣ М. впоследствии: «я было думалъ, что противъ насъ только чернь. Но, когда я увидѣлъ,

какъ ликуетъ все почти русское общество, съ какими праздничными, сияющими отъ радости лицами разгуливали русская публика во время самыхъ ужасныхъ неистовствъ черни, тяжело, страшно тяжело стало у меня на душѣ, и я рѣшилъ, что намъ тутъ дѣлать нечего». Нельзя было видѣть безъ глубокой боли этого честнаго горячаго мечтателя и проповѣдника любви и равенства между всѣми людьми и народами: до того глубоко страдалъ онъ во время безчинствъ, — страдалъ за своихъ глубоко обиженныхъ братьевъ и за всѣхъ людей, которые такъ опозорили себя. Его пламенной мечтой былъ мирный, братскій союзъ народовъ. Онъ мнѣ постоянно съ восторгомъ цитировалъ заключительныя слова одной главы изъ Исая: «И когда соединятся вмѣстѣ Израиль, Мицраимъ (Египетъ) и Ассирія, наступитъ благословеніе на землѣ, благословеніе, которымъ благословитъ ихъ Господь, говоря: да благословенъ будетъ народъ мой Мицраимъ, дѣло рукъ моихъ Ассирія и наследіе мое Израиль» (глава двадцатая). «Видите, — воскликнулъ онъ, какая возвышенность мыслей! какое отсутствіе всякаго узкаго націонализма». И вдругъ такое горькое разочарованіе! Но онъ скоро ободрился, рѣшивъ, что въ этомъ глубокомъ несчастіи есть своя хорошая сторона для евреевъ, которой надо воспользоваться. Эту хорошую сторону онъ видѣлъ въ пробужденіи національнаго духа у евреевъ. «Мы, евреи, говорилъ онъ, дали міру самыя высшія идеи о нравственности, которыя до сихъ поръ еще не осуществились. Можетъ быть, намъ теперь суждено первымъ показать міру примѣры того, какъ можно устроиться и жить на основаніяхъ высшей правды и справедливости». И вотъ въ этомъ смыслѣ сталъ онъ агитировать и вербовать приверженцевъ, которыхъ вскорѣ около него сгруппировалось около двухъ сотъ человѣкъ. Съ этими то приверженцами онъ задумалъ образовать земледѣльческую колонію въ Америкѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы земля принадлежала всей общинѣ и сообща же обрабатывалась; 2) чтобы всѣ изъ вырученнаго получали столько, сколько имъ необходимо; 3) чтобы весь остатокъ шелъ въ общую кассу и употреблялся на пріобрѣтеніе новыхъ земель, на которыхъ будутъ поселять другихъ русскихъ евреевъ. *) Онъ свои планы и мечты о будущей братской жизни умѣлъ излагать въ такой простой, ясной и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательной формѣ, что привлекалъ самыя зачерствѣлыя сердца. Напр., изъ города А., лежащаго въ сорока верстахъ отъ Одессы, были присланы два депутата для переговоровъ съ этой образующейся компаніей, чтобы къ ней присоединиться. Надо предостереженно замѣтить, что городъ А. состоитъ изъ очень сквернаго элемента евреевъ и они такъ и извѣстны (у евреевъ же) какъ А—скѣ мошенники. А—скіе депутаты были люди опытные, закаленные въ торговлѣ, да при томъ уже въ лѣтахъ. Думали они переселиться въ Америку просто потому, что жить въ Россіи — значитъ каждый день рисковать своимъ имуществомъ и жизнью.

*) Я здѣсь передаю только главныя основы этой прозектируемой колоніи.

Объ идеяхъ они въ жизни своей ничего не слыхали, да и знать не хотѣли. Но когда М. сталъ имъ страстно рисовать планъ будущей братской жизни, въ полномъ согласіи, мирѣ и любви, когда онъ закончилъ свою увлекательную картину, весь волнуясь, восклицаніемъ: «братья, что можетъ быть лучше, какъ жить самому въ счастіи, сознавая выѣтъ съ тѣмъ, что приносишь еще счастье другимъ», — черствые а—скіе депутаты были до того изволнованы, что залились слезами въ три ручья и кинулись обнимать оратора и горячо благодарить за то, что онъ имъ показалъ, какъ прекрасно и хорошо жить по братски и по правдѣ. «И какъ все это прекрасно», воскликнули они, «а между тѣмъ мы сами не додумались до этого». И изъ А. присоединились къ будущей колоніи около семидесяти семействъ. Всѣ эти переселенцы состояли большей частью изъ ремесленниковъ, чернорабочихъ и мелкихъ торговцевъ. Было, впрочемъ, между ними и нѣсколько состоятельныхъ. Такъ какъ уже на первыхъ порахъ нужны были и нѣкоторыя суммы, то каждый вступающій членъ долженъ былъ внести три рубля. На эти деньги были отправлены два депутата за границу къ вѣнской и парижской Alliance Israélite, чтобы выхлопотать у нихъ помощь на проѣздъ, а если возможно, то и на устройство предполагаемой колоніи.

Впрочемъ, было рѣшено, что если Alliance не откажутъ, то и тогда во что бы то ни стало добратся до Америки и осуществить задуманную идею. Въ прошломъ году рѣ это общество отправило на свой счетъ около семидесяти членовъ въ Броды, гдѣ образовался комитетъ изъ членовъ разнаго Alliance, для содѣйствія эмигрирующимъ изъ Россіи въ Америку евреямъ. Эта первая партія состояла большей частью изъ молодежи, между которыми было и 4 студента Новороссійскаго университета. Замѣчательно то, что среди этой молодежи не было подлежащихъ въ томъ году воинской повинности. Общество твердо рѣшило такихъ въ свою среду не принимать, въ виду того, что за нихъ должны страдать другіе. Эта партія должна была служить, такъ сказать, авангардомъ колоніи и приготовить убѣжище для имѣющихъ еще прибыть другихъ колонистовъ. Въ Бродяхъ, въ виду постоянныхъ проволочекъ комитета, партія должна была прождать около двухъ мѣсяцевъ, и во все это время содержалась на счетъ оставшихся въ Одессѣ членовъ. Около ста сапожниковъ, портныхъ и мелкихъ торговцевъ отправили двухъ депутатовъ, доставили въ Броды почти семьдесятъ членовъ и тамъ содержали ихъ два мѣсяца, что вмѣстѣ обошлось въ суммѣ около 3000 р.! Разные же Бродскіе, Тульчинскіе и имъ подобные кровопийцы ни единымъ грошемъ не хотѣли прійти на помощь несчастнымъ, отговариваясь тѣмъ, что начальство не разрѣшило эмиграціи! Мало того, эти гнусные народопродавцы, желая прикрыть передъ заграничными евреями свою постыдную бездѣятельность, стали увѣрять этихъ послѣднихъ, что въ Россіи съ евреями все благополучно и убѣждали ихъ прекратить свою дѣятельность, какъ лишнюю и чуть ли не вредную даже.

Даже отъ этихъ негодяевъ, даже отъ этихъ пожирателей еврейской народнои крови трудно было ожидать подобнаго. Но оно такъ: этой гнусной ложью прикрывались Евруси, Поляковъ и Гинцбургъ.

Но возвращаясь къ партіи, которая своимъ образцовымъ поведеніемъ и внутреннимъ устройствомъ приобрѣла всеобщія любовь и уваженіе и побудила другихъ эмигрантовъ устроиться такимъ же образомъ. Наконецъ, въ концѣ декабря вся эта партія отправилась въ Америку, отчасти на свой собственный счетъ, отчасти на счетъ комитета. Вотъ какъ описываетъ свое прощаніе съ ними въ Гаврѣ одинъ русскій еврей, выѣхавшій имъ на встрѣчу изъ Парижа: «Тогда всѣ подошли къ борту; я сталъ вблизи на берегу, и такимъ образомъ мы переговаривались..... И полились братскія рѣчи, полныя пламенныхъ надеждъ и гордой вѣры въ свои силы. Никогда, никогда не забудемъ мы нашихъ братьевъ-мучениковъ въ Россіи. Не для того уѣзжаемъ мы, чтобы сами быть счастливыми и свободными, — нѣтъ, счастья другихъ хотимъ мы. Вся цѣль наша въ томъ, чтобы въ будущемъ служить матеріальной и нравственной опорой нашимъ братьямъ!» Но вотъ раздался злобщій гулъ, гулъ машинъ, возвышавшій что наступила роковая минута разставанія. У всѣхъ замерло сердце и всѣ мы на мигновеніе замолкли. Вотъ судно начало медленно поворачивать. «Прощайте, дорогой братъ!» вырилось у всѣхъ разомъ, словно глубокий стонъ изъ души. «Счастливаго пути, братя, да благословитъ васъ богъ и да дастъ онъ вамъ силы осуществить ту высокую цѣль, къ которой вы стремитесь. Будьте тверды и не бойтесь ничего. Помните, что говоритъ талмудъ: отправляющіеся ради добраго дѣла не подлежатъ опасности.» До сихъ поръ мы говорили по русски. Но вотъ одинъ крикнулъ на еврейскомъ жаргонѣ: «зайдъ гезиндъ», *) и всѣ повторили за нимъ «зайдъ гезиндъ». Судно медленно двигалось у самаго берега, такъ что я могъ идти за нимъ, и мы продолжали посылать другъ другу самыя сердечныя, теплыя пожеланія. Меня поразило то, что никого изъ нихъ не смущала мысль о томъ, что они покидаютъ берегъ на 12 дней, а можетъ быть, и больше. Напротивъ, эта мысль внушала имъ бодрость, отвагу. Но вотъ судно круго повернуло и стало удаляться отъ берега. Еще громче раздался прощальный пожеланіи. «Братя, чего желаете Россіи?» крикнулъ я, что было силы, чтобы быть услышаннымъ. «Счастія народу!» раздался единодушный отъѣтъ, который потрясъ меня до глубины души.» **)

Мѣсяца два тому назадъ отправилась вторая партія этого общества, тоже членовъ въ 70 и тоже на счетъ общества до Лондона, откуда они надѣялись быть отправленными въ Америку. По полученнымъ извѣстіямъ, первая партія уже получила все необходимое, для образованія колоніи. Удастся ли мечтателю и идеалисту М. осуществить страстно желаемую имъ идею, конечно, трудно

*) Будьте здоровы.

**) Письмо изъ Парижа Рейнш-Гелуты. Недѣльный хроника «Восхода» № 2, 1882 года.

по сказать. Составъ колоніи, въ который входятъ такіе люди, какъ упомянутый выше бриллианщикъ, его мастерамы и многіе другіе, жившіе долго подъ вліяніемъ М. и напитавшіеся его идеями, даетъ возможность много ожидать отъ этой колоніи. Самъ М. глубоко вѣритъ въ полную возможность осуществленія своихъ идей. Но нѣтъ сомнѣній, что при самомъ устройствѣ этой колоніи вѣроятію обнаружится множество осложнений, которыя будутъ тормозить дѣло. Я все таки думаю, что М. своимъ яснымъ простымъ умомъ, своимъ умѣніемъ дѣйствовать на благородныя чувства человека и вызывать ихъ къ дѣятельности, очень поможетъ улаживанію затрудненій. Можно только опасаться, чтобы присоединившіеся къ колоніи студенты не сбили съ толку этихъ простыхъ честныхъ труженниковъ своими вычитанными изъ книжекъ теоріями.

М. весьма не охотно принималъ въ свою среду интеллигентныхъ. «Эти господа, говорилъ онъ, непременно сдѣлаются привилегированными и захотятъ всѣмъ управлять, полагая, что, кромѣ нихъ, никто ничего не понимаетъ». Къ сожалѣнію, надо признаться, что М. абсолютно правъ. Толкующая вкривь и вкосъ объ уничтоженіи великихъ правителей и неравенствъ молодежь, часто, даже почти всегда въ своихъ организаціяхъ, въ которыхъ участвуетъ и меньшій братъ, завладѣваетъ диктаторскою властью и требуетъ именно слѣпаго себѣ подчиненія. Такіе диктаторскіе инстинкты молодежи могутъ погубить лучшее дѣло. Это слѣдуетъ принимать во вниманіе особенно той части еврейской молодежи, которая стала въ послѣднее время сблизаться со своей массой. А эта масса совсѣмъ не терпитъ диктатуры, ни вообще слѣпой власти. Она легко и добровольно подчиняется, но здравому смыслу, искреннему другу, желающему ей блага. Но какъ только она замѣтитъ у васъ стремленіе быть надъ нею «шурцемъ» (папомъ), она сейчасъ отъ васъ отхлынетъ. «Вы такой же еврей, какъ и мы, скажетъ она вамъ, а евреи всѣ равны, всѣ братья».

Кромѣ описаннаго общества новыхъ еврейскихъ пионеровъ, которое встрѣтило горячее сочувствіе во многихъ городахъ и могло бы развиться до значительныхъ размѣровъ, если бы М. тому самъ не препятствовалъ, опасаясь принимать такихъ, которыхъ не зналъ вполне, и боясь, что большое количество людей поведетъ къ большому осложненіямъ, кромѣ этого общества, въ одной Одессѣ существуетъ еще около четырехъ почти съ такими же цѣлями. Кромѣ Одессы, земледѣльческія общества образовались чуть ли не во всѣхъ городахъ юга и во многихъ городахъ сѣверо запада. «Земледѣліе, земледѣліе!» — закричали передовые люди изъ евреевъ года два тому назадъ, и голодающая еврейская скученная масса съ восторгомъ внимала этимъ словамъ и посылала свою лепту въ пользу образованнаго еврейскаго земледѣльческаго фонда. Фондъ этотъ оказался жалкимъ шарлатанскимъ созданіемъ пустившагося благодѣйствовать еврейскаго Дерунова, — Полякова. «Земледѣліе, земледѣліе!» — кричитъ въ

одинъ теперь голосъ вся еврейская масса, какъ одинъ человекъ, но земледѣліе въ Америкѣ, въ Палестинѣ, гдѣ мы будемъ у себя, гдѣ не будутъ разрушать нашихъ земледѣльческихъ орудій, не будутъ уводить и убивать нашъ скотъ, а если найдутся такіе грабители и убійцы, то мы будемъ имѣть право защищаться противъ нихъ. Здѣсь же намъ и защищаться не дадутъ. Туда, туда! тамъ будемъ работать и жить по братски! Совершенно вѣрно сказалъ Ренанъ: «Въ дѣлѣ національныхъ воспоминаній трауры значатъ болѣе, чѣмъ триумфы: они налагаютъ обязанности, они предписываютъ общія условія».

М.

23 мая 1882 г.

ИЗЪ БЪЛГРАДА.

20/IV 1882.

Въ то время, когда я вамъ пишу эти строки, Сербія находится въ самомъ странномъ положеніи. Король путешествуетъ съ двумя министрами по Сербіи. Въ каждомъ городѣ его встрѣчаютъ «триумфально», — судя по газетнымъ извѣстіямъ. На самомъ-же дѣлѣ королю приходится очень часто сердиться, потому что онъ постоянно разочаровывается, видя вездѣ, что его правительство ненавидятъ и что вслѣдствіе этого его собственное положеніе слишкомъ неутѣшительно. Никогда Миланъ Обреновичъ не дорожилъ особенно теперешнимъ правительствомъ и не настаивалъ, чтобъ оно оставалось въ настоящемъ его составѣ. Настроеніе всего народа, очевидно, противъ прогрессистовъ, а онъ теперь всетаки поддерживаетъ ихъ и защищаетъ, какъ нельзя лучше. Въ одной изъ послѣднихъ корреспонденцій я вамъ писалъ, что онъ передъ каждой депутацией ругалъ радикаловъ, потому что радикальная партія имѣетъ корни въ народѣ и представляетъ самую серьезную оппозицію прогрессистамъ. На своемъ пути онъ принималъ въ разныхъ депутацияхъ и радикаловъ и ругалъ ихъ самымъ нецерковнымъ образомъ. Въ городѣ Ужичу онъ и не заѣзжалъ, какъ ему слѣдовало по программѣ, потому что тамъ большинство гражданъ радикалы, которые при его пріѣздѣ рѣшили кричать до слезъ.

Почему все это? спрашиваютъ всѣ съ удивленіемъ. И на этотъ вопросъ ходятъ самые дурные отвѣты. Такъ говорятъ, что король выѣхалъ съ министрами получить баснословно-громадную сумму денегъ отъ Бошту, что бы только скупщина приняла уговоръ, который правительство заключило съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ было уже писано объ этомъ, и упорство короля объясняется только этимъ. Въ скупщинѣ оппозиціи ужъ хотѣла обвинить министровъ по поводу несчастія, которое Сербія потеряла вслѣдствіе краха Union Générale. И на первомъ съѣздѣ скупщины это на вѣрно случится. Правительство, вмѣстѣ съ королемъ, знаетъ это и дѣлаетъ ужасныя препитствія, чтобы только радикалы не были выбраны. Оно гоняетъ учителей-радикаловъ, арестуетъ вожаковъ радикальной партіи по разнымъ округамъ и т. п.

Что выйдетъ изъ всего этого, трудно знать. Здѣсь многіе боятся coup d'état. Король Миланъ — это самый недалекій человекъ: онъ можетъ все сдѣлать. Но въ этомъ онъ на вѣрно не успѣетъ. Въ Сербіи, мы уверены, никто не будетъ въ состояніи сдѣлать то, что Баттенбергъ сдѣлалъ въ Болгаріи.

В—чъ.

Два слова объ „интеллигентныхъ пустынноикахъ“.

Въ послѣднее время въ русскихъ газетахъ стали появляться довольно любопытныя сообщенія о такъ называемыхъ «интеллигентныхъ пустынноикахъ». По этимъ сообщеніямъ оказывается, что въ средѣ нашей интеллигенціи — преимущественно столичной — обнаруживается неудержимое, почти стихійное стремленіе — бѣжать изъ центра нашей російской цивилизаціи куда нибудь подальше — на окраины, въ степи и дебри захолустныхъ, въ край Уссурийскій. Ближайшія и, такъ сказать, частныя причины, почему бѣжить изъ центра та или другая личность или даже цѣлый кружокъ, могутъ быть, конечно, весьма разнообразны и, въ большей или меньшей степени, индивидуальны. Но въ общемъ и въ своихъ основныхъ чертахъ это бѣгство интеллигенціи несомнѣнно связывается съ тѣмъ крупнымъ явленіемъ нашей «внутренней политики», которое можно назвать «самозакланіемъ» или «самоупражненіемъ» Петербурга, какъ центра. Однимъ изъ важнѣйшихъ симптомовъ въ такого самоупражненія является потеря Петербургомъ того обаянія и того престижа, какими характеризуются настоящіе центры цивилизаціи.

Въ № 81-мъ газеты «Новости» была помѣщена замѣтка о «пустынникахъ новѣйшей формации», — замѣтка, въ которой сообщены были такого рода факты:.... «возмужалый, вполне установившійся человекъ, лѣтъ 35 — 40, съ университетскимъ образованіемъ, весьма сносно обезпеченный службою... ученый, еще не заброшенный науку» — однимъ словомъ, своего рода интеллигентная сила, имѣющая въ столицѣ свое призваніе, свое дѣло, свое назначеніе и обезпеченіе, въ одинъ прекрасный день, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, подаетъ въ отставку, укладываетъ и ѣдетъ куда то въ глушь, за тридевять земель — съ единственной цѣлью «заглохнуть и уйти отъ самого себя». Казалось бы — «уйти отъ самого себя» легче всего именно въ большихъ центрахъ культуры, гдѣ въ услугамъ затосковавшаго, захандривашаго или утомленнаго дребеденно живши человека всегда имѣется большой выборъ средствъ для разсѣянія, развлеченія, успокоенія. «Уйти отъ самого себя» гораздо легче и удобнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ захолустѣ, гдѣ человекъ рискуетъ именно остаться «наединѣ съ самимъ собою» и гдѣ даже нельзя уйти отъ себя, напр., въ театръ. Равнымъ образомъ и для того, чтобы заглохнуть, имѣть надобности бѣжать изъ Петербурга, гдѣ такъ сладко спалось Обломову. Вся Россія въ Петербургѣ заглохла....

Очевидно, слова интеллигентнаго петербуржца, о которомъ рѣчь идетъ, — «уѣду въ глушь, куплю клочекъ земли, поселюсь и заглохну» — явились лишь нѣсколько эксцентрическимъ выраженіемъ того же — совершенно нормальнаго и здороваго — стремленія вырваться изъ первозной безтолочи Петербурга и бѣжать на дѣвственную почву захолустья, которое — стремленіе — удачнѣе мотивировали другіе интеллигентные петербуржцы, собравшіеся въ Уссурийскій Край. Эти послѣдніе на вопросъ «почему вы хотите ѣхать въ эту дикую страну?» отвѣчали: «тамъ луч-

ше, свободнѣе, устранивайся, какъ хочешь, какъ умѣешь».... Очевидно, если это переселеніе состоится, то Петербургъ ничего не потеряетъ, а Уссурийскій Край много выиграетъ. Масса интеллигентныхъ силъ безъ толку толчется въ Петербургѣ и по необходимости «глохнетъ», потому что ничего прогрессивно-нуждательнаго для племенъ, населяющихъ Россію, въ Петербургѣ не выдумаешь — даже и при перемѣнѣ къ «лучшему» такъ называемой «внутренней политики». Эта перемѣна къ лучшему можетъ быть только отрицательная: снять путы, отнестись петлю, упразднить рапы и скорпіоны, возратить людямъ, племенамъ и краямъ ихъ естественныя права человеческія. А затѣмъ уже эти люди, племена и края будутъ развиваться и прогрессировать сами — не по предписаніямъ изъ Петербурга и не по программамъ партій или кружковъ, а по тѣмъ общечеловѣческимъ законамъ, по которымъ повсюду совершается эволюціонная эмансипація рода человѣческаго отъ всяческихъ невзгодъ, накопившихся въ-камн. Въ этой эволюціи на первомъ планѣ стоятъ: мѣстная интеллигенція, мѣстное самоуправленіе и мѣстная свободная печать.

Выселеніе интеллигентныхъ людей изъ Петербурга въ захолусты можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ симптомовъ поворота нашей исторіи отъ ея петербургско-канцелярскаго періода къ новой эпохѣ ея областнаго самоустройства, о которомъ писалъ въ свое время Щаповъ. И если Петербургу еще предстоитъ сыграть свою прогрессивную роль въ дѣлѣ «провозглашенія въ Россіи правъ человека», то, по всемъ при- знакамъ, эта роль не придастъ Петербургу, какъ центру, новой обаятельности и новаго централизованнаго значенія — въ противоположность тому, что случилось съ Парижемъ въ эпоху великой революціи прошлаго вѣка.

ХРОНИКА СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

Аграрный вопросъ въ Ирландіи.

(Окончаніе).

«Въ половинѣ достаточнаго самаго незначительнаго повышенія уровня воды, чтобъ рѣка выступила изъ береговъ. Простолу- дину, живущему съ трудомъ даже при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, грозитъ голодная смерть, когда хлѣбъ начинаетъ дорожать. Животные истинны въ немъ пробуждаются, и послушаніе закону, необходимое условіе всякаго общественнаго спокойствія, зависитъ теперь отъ лишняго градуса тепла или холода, сухости или влажности». (Taine, Origines de la France contemp.) Годъ 1879—1880 г., совпавшій съ промышленнымъ кризисомъ и обусловленной имъ безработицей фабричныхъ рабочихъ, снова вызвалъ народныя волненія. Никогда еще ирландское аграрное движеніе не было такъ сильно и такъ упорно, какъ на этотъ разъ. «Дѣло въ томъ, — говоритъ Fournier — что современный ирландскій фермеръ уже не прежній невѣжественный и беззаботный полудикарь. Онъ все еще нищій, но онъ не рѣдко получаетъ нѣкоторое образованіе, а

главное — до него успело долететь эхо многочисленных митингов, на которых каждое воскресенье народные ораторы протестуют против деспотизма лэндлордов». Неудивительно, что по всей Ирландии фермеры отозвались с энтузиазмом на первый призыв Земельной Лиги.

Грозное движение 1880 г. вынудило у английского правительства дальнейшие уступки. Был издан Land Act 1881 г., обеспечивавший фермерам новые преимущества:

1. За всеми фермерами было признано право свободно продавать свою аренду.

2. Значительному большинству фермеров закон давал право требовать установления арендной платы судьями и особой аграрной комиссией, назначенной английским правительством, при чем раз заключенные условия должны были оставаться без изменения в продолжении пятнадцати лет.

3. Фермерам, задолжавшим своим лэндлордам, закон, при помощи отсрочки и кредита, облегчал постепенную уплату ренты и давал, таким образом, лишнее средство избежать изгнания с арендуемой ими земли.

Мы видим, что Land Act 1881 г. не уничтожил земельного монополия; он только подчинил пользование этим монополием контролю аграрной комиссии. Так, в случае несогласия сторон, комиссия определяет размер ренты и она же, когда лэндлорд намерен приступить к изгнанию (eviction) фермера, разбирает основательность или неосновательность причин такого изгнания.

Казалось бы Land Act 1881 г. должен удовлетворить фермеров и умиротворить Ирландию, так как он может считаться полным признанием знаменитых трех F и законной санкцией ульстерского обычного права. И если он только подвергает контролю действия лэндлордов, не устраняя монополия поземельной собственности, то ведь и tenant right никогда не заключал в себе отрицания лэндлордизма. Land Act 1881 г. имел последствием повсеместное понижение ренты на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ прежней ее стоимости. Почему же недовольны Ирландцы? Отчего аграрные волнения и преступления все продолжают? Зачем теперь потребовался новый Coercion Act?

Оттого, конечно, что ирландские фермеры убедились в тщете тех самых трех F, которых они теперь добились и достижение которых им прежде казалось чуть-ли не крайним предельным благополучием. Оттого, что они убедились, что, какия ни заводи покровительствующие законы и контрольные комиссии, пока останется в Ирландии лэндлордизм — до тех пор и они останутся нищими. Три неурожайных года произвели такое накопление бедности, что, несмотря на понижение ренты, благодаря деятельности аграрных комиссий, фермеры по прежнему находятся в невозможности уплачивать аренду. Эту невозможность Земельная Лига стремится обратить в право. Слово no-rent! (т. е. не

платите совсем ренты!), слетевшее с уст Парнелля, сделало сейчас же лозунгом Земельной Лиги, с манифестом; оно было радостно подхвачено фермерами и вызвало грандиозную аграрную стачку, с которой никакия репрессивные меры не могли до сих пор совладать.

Из сделанного нами краткого исторического очерка аграрного движения в Ирландии можно было убедиться, что движение это с самой эпохи завоевания и до наших дней сохраняет один общий характер. Это национальная война, в которой национальный вопрос в значительной степени отодвинулся на второй план, благодаря экономическим условиям (монополизации победителями единственного капитала страны — земли), так что она превратилась в борьбу классов, борьбу нищих с богатыми. Требования ирландцев растут, но мир уступок, даваемых им английским правительством. Полу-дикаря, обращенного в рабство и хватающегося за нож от голода, можно уговорить, бросив ему корку хлеба; но «свободному» гражданину чужно больше и это большее он сумеет спросить и взять. Было время, когда требование трех F считалось средством устранения всех затруднений. Но вот три F дарованы, и оказывается, что даже двадцать F не решают вопроса, пока колосет — поземельный монополизм стоит на своих глиняных ногах. Земельная Лига требует теперь экспроприации поместий лэндлордов, в пользу фермеров, которых она желает обратить в мелких поземельных собственников, в крестьян. Что такое эта экспроприация, как не первый шаг к экспроприации капитала в пользу народа, рабочих? И если можно и должно экспроприировать лэндлордов в пользу фермеров, то отчего нельзя экспроприировать фермеров (когда они сделаются мелкими поземельными собственниками) в пользу сельских батраков и рабочих, число которых в Ирландии довольно значительно и постоянно растет? Отчего бы не экспроприировать всей земли для сельских пролетариев, для пользования всего народа? А в случае экспроприации крупных поземельных собственников Ирландии, неужели английские фермеры по прежнему будут позволять своим лордам донести себя при помощи той же системы поземельного монополизма? Если же нет, если и англичане-фермеры потребуют себе землю, то что станет со всем социальным строем Англии, с ее могущественной и гордой аристократией, политической властью которой основана именно на крупной поземельной собственности?

То, что так видно в Ирландии, потому что земля там составляет почти единственный капитал страны, то в несколько иной и более сложной форме существует в целом мире. Всяду капитал и орудия труда монополизированы; всюду рабочий играет роль фабричного ирландца и борется с капиталом, как может, — то стачками, то другими легальными и нелегальными средствами. В каждом уголке

земного шара, где капиталистическое производство успело достаточно развиться, есть своего рода Ирландия. Но в Ирландии в первый раз вопрос об экспроприации монополизированного капитала стал так резко, что необходимость и справедливость этой меры очевидна для всякого беспристрастного человека.

Чтобы выяснить значение последних событий в Ирландии, мы теперь охарактеризуем в общих чертах две главные политические партии этой страны, home-ruler'ов и фениев, и то хаотическое брожение народных масс, типом которого может служить так называемый риббонизм.

Партия home-ruler'ов в теперешнем своем виде возникла в 1870 г. Она не стремится к отторжению Ирландии от Англии, как этого хотят фени, но требует только автономии страны, т. е. управления ею своим собственным, национальным парламентом под скипетром английского королевства. Главой home-ruler'ов и основанной ими Земельной Лиги считается Парнелль. Экономическая программа Земельной Лиги, а следовательно, и home-ruler'ов, сводится, как уже сказано, к экспроприации лэндлордов и превращению фермеров — арендаторов в собственников — крестьян. Мы видели, что орудием борьбы земельной Лиги служили аграрная стачка и аграрный террор с лозунгом: no-rent, не платите ренты!

Эмигрантская партия фениев*), основанная уже несколько десятков лет тому назад в Америке, сильная не только числом членов, ловкостью и смелостью, их как заговорщиков, но также большим денежным средствами, по своей экономической программе мало чем отличается от home-ruler'ов, за то идет дальше их в политическом отношении. Фени — республиканцы; они хотят полной независимости Ирландии, полного отторжения ее от Англии и образования самостоятельного республиканского государства по образу Соединенных Штатов Америки. Предводителем фениев в настоящее время О'Доннелан Росс.

За этими-то двумя партиями, богатыми образованными лидерами, талантливыми ораторами и писателями, занимающими, как подобает более искусным и блестящим актерам, авансцену театра политической борьбы, стоит полуграмотная масса чернаго народа, голытьба сельских батраков, городских рабочих и наиболее бедных фермеров; масса, обладающая инстинктивными революционными стремлениями, но лишенная ясного понимания своих целей и задач и, потому, служившая до сих пор хотя могущественным, но слепым орудием в руках home-ruler'ов

*) Ирландская национальная милиция ссыздалась столетий тому назад называлась «Fianna Erión» или фениаи, по имени своего знаменитого вождя, Féníus'a. Название это было принято ирландскими эмигрантами-патриотами по инициативе их сотоварища, O'Mahony, человека с большой филологической и исторической эрудицией. См. Sallivan, New Ireland, London 1877.

и феніевъ. Уже давно въ Ирландіи не переводятся среди народа тайныя аграрныя сообщества, организованныя для борьбы противъ деспотизма лэндлордовъ, протестантовъ и англійскихъ чиноишниковъ. Изъ нихъ наибольшіе размѣровъ и наибольшей известности достигло общество ribbon men'овъ, возникшее около 1820*). Въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ риббонизмъ принималъ разный характеръ, то являясь политическимъ сообществомъ (хотя безъ ясной программы и часто съ примѣсью значительной доли католическаго фанатизма), то изображая изъ себя нѣчто въ родѣ аграрныхъ trades-unions съ террористическимъ отбѣнкомъ и съ исключительной цѣлью борьбы противъ чрезмернаго повышенія ренты (rack-rent), изгнанія фермеровъ (eviction) и притѣсненія хозяевами рабочихъ и прислуги; то, наконецъ, риббонизмъ вырождался и опускался до простаго служенія личнымъ интересамъ своихъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ, становясь тогда похожимъ на тѣ полу-революціонныя, полумошенническія и разбойничьи организаціи, которыя подъ именемъ каморы и маіи до сихъ поръ процвѣтаютъ въ Італіи. Сильнѣй всего былъ риббонизмъ въ періодъ времени отъ 1835—1855 г. Потомъ онъ почти исчезъ, оставивъ за собой только слабые слѣды; но послѣднее аграрное движеніе и Земельная лига воскресили его, какъ говорятъ, въ прежней силѣ. Нѣкоторыя социалистическія газеты выставляютъ ribbon men'овъ ирландскими социальстами и придаютъ имъ огромное значеніе, считая ихъ чуть-ли не самой вліятельной социально-политической партіей въ Ирландіи. Что риббонизмъ сила, это не подлежитъ сомнѣнію, только сила эта пока еще безсознательная, слѣпая, занимающаяся тасканіемъ для другихъ каштановъ изъ огня. До сихъ поръ ribbon men'ы выдвигали изъ себя лишь moonlighter'овъ для подстрѣливанія лэндлордовъ и фермеровъ, измѣнившихъ аграрной стачкѣ, и тѣмъ служили интересамъ Земельной Лиги, а не какому нибудь социалистическому идеалу. Трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе о числѣ членовъ теперешней организаціи ribbon men'овъ, Впрочемъ, нѣкоторыя социалистическія газеты (неизвѣстно, на основаніи какой статистики) утверждаютъ, будто число это доходитъ до двухъ сотъ тысячъ.

Пока между Земельной Лигой и англійскимъ правительствомъ происходила ожесточенная борьба, до сихъ поръ все три ирландскія партіи, home ruler'ы, феніи и ribbon men'ы (если только ribbon men'овъ можно назвать партіей) дѣйствовали дружно въ борьбѣ противъ общаго врага и соединенными усиліями сумѣли поставить англійское правительство въ такое затруднительное положеніе, что Гладстонъ рѣшился, наконецъ, пойти на компромисъ съ наиболѣе умѣренными изъ противниковъ, т. е. съ home ruler'ами, съ Земельной Лигой, и вступилъ для этого въ переговоры съ находившимся тогда еще въ килменгэмской

тюрьмѣ Парнеллемъ. Переговоры повели къ соглашенію. Парнелль обѣщалъ употребить свое вліяніе на прекращеніе аграрнаго террора и взять назадъ манифестъ «no rent», воспрещающій уплату аренды лэндлордамъ, а Гладстонъ обѣзался замѣнить Coercion Act политикой примиренія и принять рядъ мѣръ для облегченія экономическаго положенія фермеровъ. И Парнелль и Гладстонъ подверглись за это съ разныхъ сторонъ большимъ нападкамъ. Многіе ирландцы обвинили Парнелля въ измѣнѣ, а англійскіе консерваторы стали кричать, что своею сдѣлкой съ home ruler'ами Гладстонъ уронилъ достоинство правительства. Трудно судить, была ли тутъ со стороны Парнелли измѣна (для этого нужно знать, существовали ли у него относительно сотоварищей Земельной Лиги какія нибудь формальныя обязательства, которыя онъ нарушилъ, согласившись на компромисъ). Одно только можно сказать, что его сдѣлка съ Гладстономъ — явленіе весьма понятное, которое можно бы объяснить и безъ всякой измѣны. Парнелль не социалистъ и не феній-республиканецъ; онъ католикъ, home ruler, не идущій дальше требованій самоуправленія для своей страны и превращенія фермеровъ въ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ истинный представитель Земельной Лиги, по крайней мѣрѣ ея наиболѣе умѣренной и наиболѣе многочисленной фракціи. Съ другой стороны, Гладстонъ, въ качествѣ передоваго либерала, могъ въ значительной мѣрѣ сочувствовать программѣ Парнелля. Гладстонъ самъ добивается устраненія майоратовъ и стоитъ за «свободную торговлю землей» (free trade in land), т. е. стремится къ замѣнѣ крупной поземельной собственности — мелкой. Такимъ образомъ, компромисъ между Гладстономъ и Парнеллемъ вещь совершенно естественная.

Понятно, что такой компромисъ не представляетъ никакой выгоды для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, этой души риббонизма, такъ какъ имъ не было-бы ни тепло, ни холодно отъ превращенія фермеровъ въ мелкихъ собственниковъ; но для феніевъ, ведущихъ съ англійскимъ правительствомъ борьбу à outrance, компромисъ, какъ шагъ къ примиренію, является препятствіемъ, могущимъ разстроить все ихъ планы національной независимости подъ республиканскимъ знаменемъ. И вотъ феніи спѣшатъ снова засвидѣтельствовать свою непримиримость и на политику примиренія Гладстона, на освобожденіе изъ тюрьмы вождей Земельной Лиги — отвѣчаютъ убійствомъ лорда Кэвендиша и Бурка. Что убійство это совершенно именно феніями, въ томъ не можетъ быть больше никакого сомнѣнія послѣ феніанскаго митинга, собравшагося 14 мая въ Нью-Йоркѣ, на которомъ партія, въ лицѣ своего вождя, О'Доннгована Росса, одобрила убійство и открыто приняла на себя отвѣтственность за него, осыпавъ Парнелля насмѣшками и бранью. Между вчерашними союзниками, феніями и земельной Лигой, произошло полнѣйшее разрывъ, успѣвшій уже выразиться въ общепонятномъ весьма непріятномъ для Лиги обстоя-

тельствѣ: въ прекращеніи доставленія ей фондовъ феніями. Остаеся узнать, какъ отнесутся ко всемъ этимъ событіямъ ribbon men'ы, на чью сторону они станутъ и съумѣютъ-ли они хоть на этотъ разъ повести тактику сколько нибудь самостоятельной и сознательной политической партіи.

Министерство Гладстона, существованіе котораго многими считалось сильно скомпрометированнымъ послѣ столь неудачнаго перваго шага его въ политикѣ примиренія, стоитъ пока довольно прочно, какъ это показали бывшіе на дняхъ выборы, окончившіеся торжествомъ либераловъ. Гладстонъ продолжаетъ смѣло идти по разѣ избранному имъ пути. Не смотря на новый Coercion Bill (принятый во второмъ чтеніи огромнымъ большинствомъ голосовъ палаты общины), стремящейся установить въ Ирландіи нѣчто въ родѣ того, что въ Пруссіи называютъ малымъ осаднымъ положеніемъ (уничтоженіе суда присяжныхъ, неприкосновенности лица и жилища, свободы схода и слова), Гладстонъ 15 мая вънесъ проектъ такого мѣропріятія, противъ котораго, конечно, возопіютъ экономисты манчестерской школы, усмотрѣвши въ немъ проявленіе хотя консервативнаго, но все-же государственнаго социализма: все фермеры, которые уплатятъ ренту за одинъ годъ, будутъ признаны свободными отъ долговъ и начнутъ новый счетъ со своими лэндлордами; правительство, съ своей стороны, вознаградитъ часть убытка лэндлордовъ тѣмъ, что выплатитъ каждому изъ нихъ сумму, не превышающую половины всей недоимки съ фермеровъ или стоимости годовой арендной платы. Мѣра эта, по вычисленіямъ Гладстона, обойдется государству около двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 20 милл. рублей по теперешнему курсу).

На одномъ изъ послѣднихъ митинговъ извѣстный заговорщикъ Михаилъ Дэвиттъ (его называютъ ирландскимъ Блаки) заявилъ, что, если билль Гладстона будетъ принятъ, то ирландскіе фермеры не захотятъ воспользоваться его выгодами, и что новый Coercion Act поведетъ только къ увеличенію числа аграрныхъ преступленій.

Посмотримъ, сбудутся ли слова Дэвитта?

БИБЛИОГРАФІЯ.

На этихъ дняхъ вышла брошюра, въ которой восхваляется либерализмъ и государственный умъ предметника Игнатъева, но къ сожалѣнію въ слишкомъ общихъ фразахъ и въ связи съ фактами и явленіями, не имѣющими ничего общаго съ политикою. «Alexandre II, détails intimes sur sa vie et sa mort» — таково названіе этой удивительной публикаціи — представляетъ описаніе въ духѣ идилліи семейнаго счастья, обрѣтеннаго этимъ царемъ въ связи съ княжной Долгоруковой, demoiselle d'honneur его жены, а также и увѣреніе, что все бы шло въ Россіи наилучшимъ образомъ, если-бъ Александръ II продолжалъ жить и царствовать, пользуясь совѣтами г-жи Долгоруковой-Юрьевской и ея политическаго друга гр. Лорист-Меликова. Неохотники до альковныхъ деталей,

*) О риббонизмѣ см. уже цитированную нами книгу Sullivan'a.

мы не скажем ни слова о «семейномъ счастьи», описаніемъ которой полны страницы брошюры, но не можемъ пройти молчаніемъ указанія, которыя мы встрѣтили тамъ же, на стоимость этого счастья для русскихъ финансовъ. Виновница «семейнаго счастья» и очевидная вдохновительница автора брошюры получила три милліона рублей (золотомъ), но эта сумма была найдена недостаточною и импѣриальный царь назначилъ ей еще сто тысячъ рублей годовой пенсіи!

Изъ какихъ суммъ могли быть назначены эти пенсіи и награды и какъ согласаются онѣ съ системою сбереженія и сокращенія расходовъ, о которой такъ распространяются оффиціозныя публицисты, — мы недоумѣваемъ.

На дняхъ «Русской социально-революціонной бібліотекой» изданъ въ Женеvѣ русскій переводъ «Манифеста коммунистической партіи» Карла Маркса и Фр. Энгельса. Нельзя не поблагодарить Р. С. Р. Б-ку за переводъ и изданіе этого труда, имѣющаго историческое значеніе. Но въ предисловіи къ тексту, подписанномъ Г. Пасхановымъ, мы встрѣтили отзывы, совершенно несоотвѣтствующіе современному значенію упомянутого документа. Такъ, напр., г. переводчикъ, въ своихъ «Нѣсколькихъ словахъ», утверждаетъ, что говорить о научныхъ достоинствахъ «Манифеста коммунистической партіи», — значитъ говорить всѣмъ извѣстную песню и что будто бы «Манифестъ» открываетъ эпоху «чуждаго всякихъ утопій, научнаго обоснованія социализма». Между тѣмъ, въ числѣ мѣръ, которыя, для водворенія болѣе справедливаго социальнаго строя, по мнѣнію г-дъ Маркса и Энгельса, могли бы быть приняты въ «самыхъ передовыхъ странахъ», поминуты слѣдующія:

«Конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ» (стр. 26, п. 4);

«воздѣлываніе и изученіе полей по общему плану» (тамъ же, п. 7);

«учрежденіе арміи труда, въ особенности для земледѣлія» (тамъ же, п. 8)

и т. п. полицейскія мѣры насилія, понужденія къ единообразію, солдатчины труда и команды надъ человѣческою личностію и свободою занятій.

При чемъ тутъ наука и при чемъ даже простое трезвое пониманіе дѣйствительной жизни, не допускающее увлеченій утопіями? Въ особенности справедливо и по времени истинно социалистическою покажется нынѣшнимъ русскимъ людямъ «конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ», т. е. мѣра, введенная петербургскимъ правительствомъ, — и при томъ въ гораздо болѣе смягченномъ видѣ, — въ знаменитое сентябрьское (прошлаго года) «Положеніе о чрезвычайной охранѣ».

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

4 мая, въ аудиторіи русскаго техническаго общества г-мъ Андреевымъ прочитана публичная лекція «О кустарной промышленности въ Россіи»; изъ собравшихъ до сихъ поръ по этому предмету данныхъ, далеко еще, впрочемъ, не полныхъ, видно,

что кустарною промышленностію занимается въ Россіи болѣе 321,000 рабочихъ, которые производятъ издѣлій на сумму болѣе 106,000,000 рублей. Въ 47-ми внутреннихъ губерніяхъ 15% всѣхъ жителей заняты кустарною промышленностію и отхожими промыслами, доставляющими средства къ существованію 2,000,000 жителей. Не смотря, однако, на значительное развитіе кустарнаго промысла, при чемъ нѣкоторые виды его, какъ, напр., выдѣлка овчинъ и шитье тулуповъ, можно считать вполне обеспеченными отъ подрыва крупнымъ фабричнымъ производствомъ, положеніе кустарей въ Россіи бѣдственное: терпятъ они наиболѣе отъ кулаковъ и скупщиковъ; поэтому является вопросъ своевременнаго принятія мѣръ къ улучшенію положенія кустарей. По нашему мнѣнію склады (съ ссудами подъ нихъ) и выставки кустарныхъ издѣлій съ распространѣніемъ свѣдѣній о мѣстахъ ихъ производства и оптоваго сбыта могли бы въ значительной степени ослабить убыточное для кустарей посредничество скупщиковъ, и въ этомъ дѣлѣ мѣстныя земства и городскія учрежденія могли бы оказать широкую помощь. Пора серьезно подумать надъ тѣмъ, что даже грошечные капиталы кулаковъ въ состояніи эксплуатировать вовсе немущій трудъ крестьянина и что такая эксплуатация въ общей сложности выражается милліонными цифрами эксплуатированныхъ и добычею капитала на счетъ труда въ размѣрѣ годового бюджета среднихъ государствъ Европы.

По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ днемъ коронаціи русской императорской четы назначено 5 сентября (новаго стиля?), но есть также извѣстіе, что вълѣдствіе какихъ то увѣдомленій, полученныхъ изъ «иностранныхъ столицъ», коронація отложена до 1883 г.

Въ «Nene Freie Presse» находимъ письмо изъ Букареста, сообщающее интересныя свѣдѣнія объ аграрномъ движеніи въ Румыніи. На дняхъ къ Букаресту направилась крестьянская депутація съ цѣлью просить палату о томъ, чтобы крестьянамъ дана была земля изъ государственныхъ имуществъ. Депутація была остановлена полиціей. Но депутатъ Когальничано внесъ въ палату петицію, подписанную сотнями крестьянъ, которые жалуются на распродажу государственныхъ имуществъ въ частныя руки. Когальничано требуетъ парламентскаго слѣдствія по этому вопросу. Министръ Братіано предложилъ установить только комиссію, которая бы разбирала подобныя прошенія, и жаловался на то, что съ недавняго времени среди крестьянъ замѣчается нездоровый духъ, который выражается въ томъ, что крестьяне идутъ къ главному городу требовать земли. Ден. Бернеску, подтвердивъ это свѣдѣніе, прибавилъ, что агитація несомнѣнно возбуждается иностранными подстрекателями. То же говоритъ и корреспондентъ вѣнской газеты. Вѣчная исторія! Какъ это не начнутъ угрызать, что и желудки у крестьянъ выдуманы иностранными подстрекателями!

Изъ централизованной страны. Недавно намъ пришлось разговаривать съ однимъ извѣстнымъ французскимъ писателемъ, человекомъ, который держится въ сторонѣ отъ административно-

политической борьбы партій въ своемъ отечествѣ. Онъ рассказалъ намъ, между прочимъ, объ отчаяніи сельскаго учителя изъ той мѣстности, гдѣ собесѣдникъ нашъ имѣетъ собственность и которую недавно онъ посетилъ. При школѣ собралась какъ то недурная бібліотека. Но сунрефекты при Макъ-Магонѣ отобрали изъ нея книги, которыя казались имъ республиканскими и матеріалистическими, а сжигавшіе ихъ сунрефекты при Ж. Гриви отобрали книги, слишкомъ, по ихъ мнѣнію, реакціонныя и католическія. Ни одинъ, конечно, не прислалъ въ заглавіи книгъ новыхъ, — а село, изъ котораго государство вытягиваетъ всѣ соки на общіе расходы, не имѣетъ средствъ (да, очевидно, и охоты) на возстановленіе разрушенной усердіемъ агентовъ центральной власти бібліотеки. И теперь и дѣти, и старики безъ книгъ среди «агонической республики».

М. Д.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ, замѣченныя въ № 37-мъ: на стр. 3, въ 1-мъ ст., 36-ая стр. сверху, вмѣсто избирательныхъ, слѣдуетъ читать: псполнительныхъ; на стр. 4, во 2-мъ ст., 31-я строка сверху, вмѣсто въ которыхъ, слѣдуетъ читать: въ которыхъ, — въ 3-мъ ст., 16-ая стр. сверху, вмѣсто кроить, слѣдуетъ читать: кроить; на стр. 5, во 2-мъ ст., 19-ая стр. снизу, вмѣсто въ себя увѣренная, слѣдуетъ читать: въ себя увѣренная; на стр. 7, въ 1-мъ ст., 7-ая стр. сверху, вмѣсто другой страны, слѣдуетъ читать: другой стороны, — во 2-мъ ст., 15 стр. сверху, вмѣсто фармацевтической, слѣдуетъ читать: фармацевтической; на стр. 13, въ 1-мъ ст., стр. 39-ая сверху, вмѣсто очень много значенія, слѣдуетъ читать: очень мало значенія; на стр. 14, въ 1-мъ ст., 16-ая стр. сверху, вмѣсто коммунистическаго, слѣдуетъ читать: коммуналистическаго; на стр. 15, въ 1-мъ ст., 28-ая стр. сверху, вмѣсто а также и борьбу, слѣдуетъ читать: такъ и борьбу; на стр. 16, послѣднее слово статьи «Аграрный вопросъ въ Ирландіи», вмѣсто войны, слѣдуетъ читать: войны.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Типографіи «Вольнаго Слова» продаются отдѣльными сброшюрованными изданіями:

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

за 1881 годъ, 20 №№.

Цѣна 10 франковъ.

ДИОНИЗІЙ III САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

и

ПЛАТОНЪ II МОСКОВСКІЙ

сравнительно историческая игра природы

М. Драгоманова.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Вольнаго Слова», № 27).

Цѣна 50 сантим.